



Артем Тихомиров

Оруженосец

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6606919
Оруженосец: Эксмо; М.; 2014
ISBN 978-5-699-70386-9

Аннотация

И что делать, если тебя, принцессу Эмму Шеридонскую, родители собираются выдать замуж за какого-то уроды? Правильно – сбежать из дому! И наняться в оруженосцы к настоящему герою – рыцарю Каю, принцу Керузии, смысл жизни которого в том, чтобы совершать разные подвиги. Однако на этот раз с подвигами как-то не получается. Рыцарь угодил в переплет и теперь сам очень нуждается в помощи. Охваченная жаждой мести могущественная колдунья преследует его по пятам. Что может противопоставить ей бедный оруженосец? Разве что женскую интуицию...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	20
Глава 4	32
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49



Артем Тихомиров

Оруженосец

Глава 1

Кай охотился за бандой три дня. Найти логово негодяев оказалось не так-то легко, еще сложнее присмотреть полянку, которая могла бы сыграть роль ристалища. Нет, рыцарь не собирался устраивать турнир, просто ему хотелось покончить со всеми разбойниками разом и не носиться за каждым из них по лесу, рискуя насобирать репья на штаны. Был вариант с тайными расправами, но он претил благородной натуре Кая. Будучи героем, более того – самым настоящим принцем, Рыцарь Льва не мог себе позволить бить со спины и без предупреждения.

В конце концов нужное для боя место Кай нашел, приманкой же для разбойников стал конь Октавий, неизменный спутник героя в его странствиях. Увидев столь невероятно красивое животное, разбойники испытали самый настоящий шок. Герой наблюдал из кустов: белоснежный конь вышел к их стоянке возле пещеры и встряхнулся, демонстрируя пышную, с платиновым отливом гриву. Разбойники вытаращили глаза.

Октавий был единственным в своем роде жеребцом в Трехстах королевствах. Однажды король Настурции предлагал за него Каю золото, вес которого равнялся бы весу самого коня с сидящим на нем рыцарем в полном облачении. Принц отказал королю, мотивируя отказ той очевидной истиной, что друзей не продают.

Словом, душевное спокойствие разбойников было немало поколеблено. Сидящий в засаде Кай хихикнул. Октавий отлично знал свое дело. Если речь шла о том, чтобы заманить какую-нибудь негодяйскую личность в ловушку, лучшего средства нет.

– Коняга, чтоб меня об землю хряпнуло! – сказал один разбойник, первым очнувшийся от шока.

Октавий фыркнул, царственно изогнул голову и тряхнул гривой, совсем как человек, убиравший упавшие на лоб волосы.

– Чтоб я сдох! – добавил другой разбойник. – Призрак! Белый, что смерть твоя!

– Нет, живой! – воскликнул третий. – Зуб даю!

– Лови его, мужики! Наш будет!

Возле костра принц насчитал двенадцать разбойников и подумал, что слишком мало, но когда поднялся шум, из пещеры выскочили еще двенадцать, один краше другого. Каждый из них мог бы получить место в цирке уродов, если бы очень захотел, и определенно имел бы успех у публики.

Перебивая друг друга, ругаясь и раздавая зуботычины и пинки, разбойники бросились на коня. Тот подпустил их поближе и отпрыгнул в сторону в самый последний момент. Образовалась свалка из вопящих тел. Кай поднял глаза к небу, точнее, к густым кронам деревьев.

Все разбойники одинаковы, все, всегда и везде. Алчность застит взоры бродяг, а в жестоких сердцах лишь жажда крови. Ничего нет нового в подлунном мире...

– Бей!

– Лови!

– Сеть давай!

Они и правда достали сеть. Погоня продолжилась. Впереди бежал самый сообразительный разбойник, за ним менее сообразительные, а уж откровенные дубы толпой чесали позади. Октавий держался ровно на том расстоянии, чтобы подразнить ловчих. Отдалится, встанет и ждет, делая вид, что не понимает, что происходит. Разбойников это лишь раздражало. Они пытались растянуться цепью, однако им мешали густые заросли. Попытки проламываться через кусты привели лишь к тому, что многие разбойники окончательно разодрали свои и без того жалкие лохмотья. Наблюдая, как скачут они по кустам с голыми задками, Кай беззвучно хохотал. Вот тебе и бесплатный цирк, ничуть не хуже, чем на рынке в Фринголле.

Но вот Октавий добежал до кривого дерева, напоминающего горбатого мытаря, и остановился возле него пощипать травку. Это был сигнал. Кай выбрался из засады и помчался напрямую к полянке. К бою он подготовился заранее, надел панцирь с наплечниками, поножи, бронированную юбку (мало ли что) и сабоны. Для сражения выбрал меч, истинно рыцарское оружие, изготовленное по специальному заказу лучшими мастерами из Фланелии.

Выскочив на полянку, Кай занял позицию. Крики разбойников раздавались все ближе, рыцарь уже видел, как за частоколом ветвей и стволов мелькают головы и шапки бандитов. Герой облизнулся. Благородная кровь закипела в его жилах. От сражений он никогда не бегал... если, конечно, не считать необходимых как воздух в некоторых случаях тактических отступлений. Но банда менее чем из тридцати голов! Ерундовина.

Октавий длинным прыжком перелетел через кустарник и приземлился на середине поляны. Он и принц обменялись взглядами. Жеребец обернулся к разбойникам и воинственно заржал, и их толпа тут же ответила нестройным ревом. По непонятной причине ловцы решили, что добыча уже в их лапах, и без раздумий рванули вперед. Головорезы снесли кустарник и, выбежав на поляну, остановились. Наступила недоуменная тишина, прерываемая лишь тяжелым дыханием негодяев.

– Привет, – сказал Кай, непринужденно опираясь на меч.

Октавий пристроился рядом, приняв позу, в конском эквиваленте равноценную той, в которой стоял его хозяин. На морде жеребца читалась откровенная насмешка.

– А этот откуда? – прохрипел самый сообразительный разбойник с большим фингалом, он же, очевидно, главарь.

– Ишь, расфуфырился!

– Благородный, сразу видать!

– Братва, тикаем!

Этот призыв едва не был принят на вооружение, но тут до главаря дошло, что соотношение сил явно не в пользу расфуфыренного.

Он поднял руку:

– А ну тихо!

Разбойники разом захлопнули рты. Кай демонстративно подышал на свои ногти и начал полировать их о край короткого бархатного плаща.

– Ты откуда здесь взялся, господинчик? – спросил главный разбойник, широко раскрывая пасть, усеянную пеньками от зубов. – Это ведь наш лес.

– Знаю, – ответил принц. – Потому и пришел – положить конец вашим бесчинствам. Вашим грабежам, убийствам и прочим безобразиям, которые нельзя упоминать в приличном обществе. И раз уж вы тут, извольте вступить в бой.

Разбойники загомонили. Попадались им разные жертвы, в том числе и родовитые, но ни разу никто не был настолько смел. И сам не лез на рожон.

Главарь шайки скрестил руки на груди:

– А ты сначала представься! Что ты за птица?

– Наследный принц Керузии, наследник земель Алькана, Герании и Фонта, Кай Рыцарь Льва к вашим услугам.

Молодой человек отмахнулся мечом, а Октавий фыркнул, целиком и полностью подтверждая его слова.

– Принц... принц, гляди ты... – побежало по толпе.

Главарь скривился и, чтобы не показать, насколько смущен, сплюнул:

– Значит, пришел нас известить?

– Да. Довольно злодеяний. Однако я не буду этого делать, если вы немедленно падете на колени, попросите прощения, а потом, заковав себя в цепи, пойдете в Дарриш. Там вы сдадитесь в руки королевского правосудия.

– Не пойдет, – покачал головой разбойник. – Я скажу, что мы будем делать. Мы убьем тебя, заберем твои шмотки, деньги и коня.

Герой улыбнулся. Конечно, он ждал такого ответа. На его памяти головорезы себя по-другому и не вели.

– Рыцарь Льва не сдается и не дает прощения врагам! Приступим!

Главарь шайки обернулся к своим:

– Ну, ребята, покажем ему, кто здесь хозяин! Вперед!

Толпа, только и ждавшая приказа, с воем и криком ринулась на Кая. Кай ринулся на толпу. Столкнулись они с таким звуком, словно два айсберга в Холодном океане. Принц лихо заработал мечом, со всех сторон окруженный рассекающими воздух ножами, тесаками и дубинками. И Октавий не отставал. Будучи настоящим рыцарским конем, он умел драться всем, что есть в его распоряжении. Жеребец яростно кусался, лягался и крутился, расшвыривая злодеев во все стороны. Иными словами, некоторое время на поляне было довольно-таки суетно.

Спустя пять минут главарь шайки, лежа среди тел своих поделльников, с трудом поднял голову.

– Ну хватит дурака валять, – прохрипел он. – Вигго!

Появился Вигго, приберегаемый для особых случаев громадный и страшный разбойник, напоминающий издали научившуюся ходить свинью. Был он на две головы выше Кая и в три раза шире. В каждой руке Вигго держал по булаве, и каждая щетинилась коническими железными зубьями.

– Ого! – сказал Кай, только-только расправившись с двумя оставшимися злодеями. – Смотри, Октавий, они всегда приберегают самого страшного напоследок.

Жеребец поглядел на Вигго и заржал. Прозвучало это почти по-человечески.

– Рррр, – сказал громадина, неуклюже переваливаясь в сторону принца и загораживая дневной свет.

Через секунду Вигго пролетел через всю поляну и врезался вверх тормашками в самое толстое дерево на ее краю. Чудом дерево уцелело, но в его коре навсегда отпечатался рисунок тела разбойника. Великан издал тоненькое «и-и-и» и мешком свалился у подножия ствола.

Кай огляделся. Врагов, способных к сопротивлению, больше не осталось. Рыцарь воспользовался самым приличным плащом, какой только нашелся среди разбойничьих лохмотьев, и вытер им лезвие меча.

– Дело сделано, – сказал он. – Нам пора... – Кай посмотрел на груды, что раньше носила имя Вигто, и широко зевнул. – Знаешь, Октавий... не тот разбойник нынче пошел, совсем не тот. Измельчал лихой народец, так что и на полчаса жаркой схватки его не хватает. Да какое там – на десять жалких минут!

Жеребец утвердительно фыркнул. Герой подошел к висящим на суку дорожным тюкам и вытащил из одного небольшую кожаную сумку, в которой хранил личные вещи. В свою очередь из сумки принц извлек походный писчий набор и свиток. Устроившись под деревом, Кай обмакнул перо в чернильницу и сделал запись на бумаге. Полубовался своим красивым почерком и сказал:

– Двадцатый подвиг. Еще пять, и я побью рекорд, установленный Могальфом Рыжим. Меня занесут в Анналы Трехсот королевств, в тот раздел, где повествуется о Величайших Героях. Конечно, я предпочел бы быть первым номером... – Кай задумался. – А для первого номера мне надо совершить тридцать пять подвигов. Тридцать пять! Хм. Этак я всю жизнь буду по свету валандаться... – Рыцарь подпер голову рукой и вздохнул. – Скучища. Что за времена, Октавий. Помнишь, как мы начинали? Сколько впечатлений, сколько неожиданностей, сколько чудес было на свете! За каждым поворотом нас ждало нечто новое... А теперь?

Принц посмотрел на Октавия. Конь вопросительно изогнул брови.

– Теперь у меня есть агент, и он занимается моими... заказами. Мне и делать ничего не надо, не надо волочиться в дальнюю даль, преодолевая немыслимые расстояния, не надо испытывать тяготы пути и всевозможные лишения, потому что, видите ли, агент подбирает мне подвиги поближе. За один день можно обернуться, съездив на выручку очередной принцессе, хотя раньше на это недели уходили. Тебе это нравится, Октавий?

Конь тронул мордой плечо хозяина.

– Вот и я о том же... Коммерция захватила все. Всякий рыцарь теперь имеет своего агента, так, видите ли, нынче положено. А кем положено?

Октавий смотрел на героя очень внимательно, заподозрив, что тот снова начнет хандрить.

– Прогресс, они говорят. Дескать, прошли времена, когда героизм был уделом любителей. Теперь не доверяют бескорыстным порывам, и если ты скажешь родственникам похищенной драконом девы, что сделаешь все даром, они посмотрят на тебя косо. Не свихнулся ли этот малый, спросят они себя, и найдут другого, которому за его услуги отвалят пригоршню золотых. – Кай убрал в сумку свиток и писчий прибор. – Современный рыцарь оказывает коммерческие услуги, а не совершает добрые дела, Октавий. Да еще соревнуется с другими, кто больше снесет голов троллям, людоедам и пещерным вывернам. В этом ужас моего положения...

Октавий покачал головой.

Подобные жалобы для Кая в последнее время стали обычными. Умей конь разговаривать, он бы сказал, что принц испытывает типичный кризис мировоззрения и переоценки ценностей. Призвание свое принц видел в бескорыстном служении идеалам, но жестокая жизнь даже его вынуждала идти на сделку с собственной совестью. Увы! Благородное призвание превратилось в рутину, поставленную на коммерческие рельсы. Он брал деньги за то, что раньше делал лишь по велению чистого сердца... не сам, конечно, а через агента, но все равно – одна мысль об очередном кошеле с гильденами вызывала у Рыцаря Льва тошноту. Кай был буквально в одном шаге от окончательной потери веры в казавшиеся незыблемыми идеалы.

Бросить все? Перестать быть героем? Повесить меч над каминной полкой?

Альтернатива была еще хуже. Волею судеб Кай оказался единственным прямым наследником своего отца, короля Керузии Карла, и в будущем просто обязан был занять его место. Мысль об этом страшила юношу. Роль властителя ему не нравилась категорически.

Он рос при дворе и с малолетства видел воочию, чем приходится заниматься королю. Даже в небольшом, компактном королевстве дел столько, что диву даешься, откуда они берутся. Не успеешь закончить с одним, как тут же другое напирает. Бедный отец поседел в тридцать шесть, морщины избороздили его лицо. Про мать и говорить нечего. Хотя она ничем не занималась, но ей явно передались тяжкие думы супруга, его пессимистические настроения и депрессии. Ядвига тоже состарилась раньше времени.

Принц не хотел подобной участи ни для себя, ни для своей будущей жены. Его устраивала жизнь героя: совершение подвигов, странствия, преодоление опасностей. Разве плохо посвятить этому всего себя? К тому же у него есть реальный шанс стать чемпионом, занять в рейтинге рыцарей первое место – и чем плохо? Грош цена странствующему герою, если у него нет честолюбия. Тем более, когда речь идет о принце. То есть о нем, Кае.

Принц отбросил невеселые размышления. Ему уже двадцать один год. Он движется по своей жизненной колее и неумолимо приближается к этой мерзкой, украшенной золотом и драгоценными камнями штуковине, которая стоит в тронном зале. На этой штуке сидели, протирая штаны, все его предки, его отец. И, да-да, придется сидеть ему... Кай содрогнулся, скривив красивое лицо, с которого было написано немало портретов.

Принц замер, остекленевшим взглядом уставившись в пустоту. Октавий подошел и тронул мордой его плечо. Жеребец прекрасно понимал, что чувствует хозяин. Когда Кай станет королем Керузии, ему, Октавию, придется отправиться на конюшню. О приключениях и битвах можно будет забыть – выезжать Кай будет на нем только по случаю торжественных приемов, и то когда Октавий будет старым и дряхлым, тенью самого себя нынешнего.

Принц и конь посмотрели друг на друга, удивляясь тому, как легко оба поддались хандре. Кай улыбнулся, погладив Октавия по щеке:

– Поехали лучше куда-нибудь, освежимся. Как насчет охапки самого лучшего овса?

Октавий вскинул голову, заржав.

– Отлично. – Кай вскочил. – Мартен! Мартен, где ты, бродяга! Пора ехать!..

Ему ответила тишина. В недоумении принц обернулся по сторонам, его лицо стало мрачным. Он совсем забыл, что в новое приключение отправился без оруженосца. Кстати, это был уже третий в этом году. Юный негодяй – молоко еще на губах не обсохло! – удрал с одной из недавно спасенных из лап людоеда принцесс. Вот так запросто взял и удрал, оставив только исчерканную корявым почерком записку, в которой Кай насчитал двенадцать орфографических ошибок. В ней прохвост сообщил, что намерен «жыница во што бы та ни стала»...

Но этот хоть ничего не взял. Прошлый улетучился вместе со всей наличностью Кая, а тот, что был до него, утащил дорогой, украшенный изумрудами кинжал.

– Ладно, – сказал принц, решив, что расстраиваться не стоит. – Всегда можно найти другого оруженосца.

Октавий утвердительно кивнул, топнув копытом.

– Тогда вперед, труба зовет... Эй! Это что?! – Кай уставился на свой сверкающий нагрудник. – Царапина! Ты посмотри, царапина!

Принц перевел взгляд на валяющихся тут и там разбойников.

– Мерзавцы! Знали бы они, сколько нынче стоят доспехи у гномов! Теперь вот почищать! Ай, ладно...

Кай махнул рукой и принялся собираться в дорогу. Жеребец ухмыльнулся.

Глава 2

– Сдавайтесь, господин дракон! Я отрублю вам вашу дурацкую голову!

Поднялся ветер, голова дракона угрожающе покачнулась, и тут свистнул меч. Хватило одного движения, чтобы снести страшилищу уродливую башку.

– Получай!

Герой поднял меч и замер в позе победителя. Потом резко развернулся и наотмашь рубанул другое чудище, которое уже подкрадывалось к нему сзади.

Чудище рухнуло как подкошенное.

– Будешь знать!

Маленький мальчик, сидящий под большим раскидистым деревом, открыл рот от восторга и принялся хлопать грязными ладошками.

– Нравится?

Эмма сдула челку с бровей и широко улыбнулась. Подобные представления ребенку очень нравились. Воображая себе, что перед ней не куст репейника, а дракон, что в руках не деревянный меч, а настоящее оружие, Эмма чувствовала себя истинным героем. Рыцарем в доспехах. И при этом не имело значения, что чудовища это всего-навсего сорняки, захватившие обширные территории королевского сада, а она семнадцатилетняя принцесса. Воображение давало ей свободу почувствовать себя совсем другим человеком.

Поглядев на срезанную головку репейника, Эмма вздохнула.

Все только мечты и мечты, никакой надежды на позитивные перемены. Да, она не мужчина, ей никогда не стать воином.

Принцесса воткнула «меч» в землю и уселась рядом с Витти. Витольд, которому стукнуло уже два года, обхватил ее руками, неуклюже целуя в щеку. Девушка обняла его за плечо. Кот Баламут сидел под ближайшим кустом и посматривал на мир сытыми прищуренными глазами. Хотя он и был еще котенком, но детские забавы, которые обожала его хозяйка, Баламута несколько не интересовали. Как все кошки, он считал себя гораздо умнее людей.

– Дни летят, – сказала Эмма, подпирая голову обеими руками. – Скоро я стану королевой. Меня выдадут замуж, и я уеду отсюда навсегда. Ты будешь скучать, Витти?..

Малыш колотил палочкой по земле, целиком увлеченный этим занятием.

Эмма сорвала травинку.

С каждым днем надвигалось неизбежное, и родители Эммы, король Астальф и королева Ластинда, прилагали все усилия, чтобы матримониальная сделка не сорвалась. Бедняги совсем позеленели и высохли, старясь угодить будущим родственникам. Они вбили себе в голову, что для Эммы нет лучшего на свете жениха, чем прыщавый и толстый Тагульф из соседнего королевства. Принцесса лишь трижды виделась с ним. Он был отвратителен. Даже не своим безобразием, не прыщами с белыми головками, усеивавшими пухлую физиономию, а непролазной дремучестью. Манеры Тагульфа тоже оставляли желать лучшего. Привычка ковырять в носу при всех, а потом мазать его содержимым одежду соседа приводила Эмму в шок. Тагульф, по слухам, занимался этим и сейчас, даже когда ему стукнуло восемнадцать.

Принцесса содрогнулась от омерзения. Стоило ей представить себя у алтаря рядом с этим монстром, как, без исключения, каждая клеточка ее тела восставала. К горлу подползала тошнота, перед глазами темнело. Эмма даже думать боялась о том, что произойдет после всех церемоний и пира... Первая брачная ночь... Эмма ощутила, как ее рыжие волосы поднимаются дыбом. И вот она уже видит себя через несколько лет, жирную, как стельная корова, с осовело-безразличным взглядом, с кучей детей, рожденных от чудовища, копиями

своего высокородного папаши. И у нее прыщи! На лбу, на щеках, на носу, а самый-самый большой прыщ на подбородке сияет, как рубин!

«О мамочки!» – подумала принцесса, ощутив ледяной пот на спине.

Из задумчивости Эмму вывело прикосновение брата. Мальчик усердно заталкивал в карман ее юбки пучки вырванной травы. Она потрепала его по голове.

Вся проблема в том, что родители слишком ее любят и, как все любящие родители, они слепы. Винить их за это трудно. Оба твердо убеждены, что если выдать свою своенравную и в высшей степени странную дочь замуж, привязать ее к очагу и всем тем делам, которым по рангу заниматься королеве, она изменится. Что супружество укротит независимый нрав Эммы, а повседневные заботы выметут из головы безумные фантазии, которые не приличествуют принцессам. Мама шутила грустно, что лишь ненормальный возьмет ее в жены. Мужья любят, чтобы супруги были слабее их, обожают скромность и не желают иметь жен с твердым характером. Да, с этой точки зрения Эмма не подходила на роль примерной жены, но даже если бы она смирилась, прикинувшись тихоней, чье место возле прялки, куда деть ее природный и совершенно необъяснимый талант? Да если кто за пределами круга доверенных лиц узнает, хлопот не оберешься! Эмма была сильной. В прямом смысле слова. Даже более, ее сила выходила за все разумные и неразумные рамки. Кто, скажите, возьмет в жены принцессу, которая запросто поднимает одной рукой лошадь с всадником? И это при ее невзрачной, в общем-то, внешности, делающей Эмму похожей на мальчишку-подростка. Переодень ее, никто и не заметит разницы... Впрочем, может, мама и права, и не найдется такого чудака, который польстился бы на ее природные данные, ведь с матримониальной точки зрения смотреть было попросту не на что. Вот другие принцессы, из далеких, куда более влиятельных и богатых королевств – сплошь красавицы, с умопомрачительными фигурами и волосами, подобными солнцу или самой черной ночи. С глазами, которые воспевают наперегонки придворные поэты. К этим принцессам женихи выстраиваются в очередь и даже, бывает, пускают друг другу кровь на поединках.

А Эмме прочат ковыряющегося в носу Тагульфа, который, по непроверенным данным, до сей поры мочится в постель. Есть ли справедливость? Пусть она и не красавица, но ведь не урод и не прокаженная, чтобы прятать ее в доме провинциального королька, у которого и пятидесяти подданных не наберется. И пусть королевство Эммы еще меньше, что с того? Разве она не достойна настоящего принца на белом коне (хотя Эмма предпочитала вороных)?

Родители определенно сошли с ума. В неусыпной заботе о том, чтобы тайна их дочери не стала известна миру, они забыли главное. Саму Эмму. Это девушку возмущало больше всего.

Окончательно прервала невеселые размышления принцессы мать.

Королева Ластинда вышла из-за ближайшего дерева. У нее была довольно-таки дородная фигура, одежда самая простая, волосы убраны под чепец.

– Мама...

Взгляд королевы скользнул по полянке. Убедившись, что Витти на своем месте, она посмотрела на дочь. Та покраснела, веснушки, усеивающие лицо, вспыхнули, как созвездия.

– Опять в свои игры играла, – сказала мать. От вдоха ее пышные формы колыхнулись. Ластинда подошла и подняла Витольда с земли руками, усыпанными мукой. Королева любила заниматься выпечкой сама, и сейчас от нее вкусно пахло ванилью. – Эмма! Тебе семнадцать лет, пора уже поумнеть.

– Поумнеть? – Девушка встала, выпрямившись и стиснув кулаки. – А вот отец говорит, женщинам это вовсе не нужно.

– Я не в том смысле. Он имел в виду, нельзя *показывать*, что ты умнее мужа. Короче, ты уже не ребенок, а все витаешь в облаках. Я думала, у тебя это пройдет, но... – Ластинда кивнула на разодранные кусты и «меч», торчащий из земли. – Ты снова за старое. Каждую

свободную минуту проводишь за дурными книжками про рыцарей или упражняешься... Для чего? Можешь сказать?

Эмма хмуро кусала губы.

– Я сожгу твои книги, – пообещала королева, с трудом удерживая Витольда. С молчаливым упорством малыш тянулся к старшей сестре.

– Не сожжешь! Мама, отстань от меня раз и навсегда!

Между бровей Ластинды обозначилась складка, свидетельствующая о серьезности ее намерений.

– Мы с отцом вчера серьезно поговорили. И считаем, что напрасно тянули и давали тебе время подумать. Пора назначать дату свадьбы.

– Что?

Кровь в самом прямом смысле отхлынула от лица Эммы.

– По существующим в нашей части света порядкам ты должна была стать женой Тагульфа еще два года назад! – заявила Ластинда. – Но мы тебя любим, поэтому дали тебе отсрочку... И что же? Вместо того чтобы готовиться к супружеской жизни, ты носишься по саду с деревянным мечом! Хватит, Эмма, игры кончились, наступает взрослая жизнь.

Больше всего на свете принцесса не любила подобные разговоры.

– Если бы вы меня любили, – с обидой сказала она, – то нашли бы другого жениха. Неужели меня никто больше не достоин? Только этот урод?

Королева царственно поджала губы:

– Не начинай снова. Может, Тагульф и не красавец, но он наследный принц Косталии и в свое время станет королем. Чего тебе еще желать? Принцы рангом повыше нам не по зубам. А родители Тагульфа и сам он согласны терпеть твои выходки. И не возражай! Уверена, никто более не станет. Помнишь, сколько было сватов из других королевств? Что ты им устроила?

Эмма надулась. Она хотела лишь разыграть хмурых, слишком серьезных господ. Ну, намазалась зеленой краской, ну, выскочила в тронный зал с ножом, изображая дикого гоблина-разбойника. Подумаешь. А они напугались, обиделись, сказали, что ноги их больше не будет в Шеридонии, да еще пригрозили повсюду раструбить о выходах Эммы.

Так она попала в «черный список», и с той поры ни один уважающий себя король не присылал в Шеридонию сватов.

– Можно было поискать подальше... – Принцесса понимала, что это звучит как глупое оправдание.

Ластинда издала еще один горестный вздох:

– Такова твоя судьба, девочка. Или Тагульф, или никто. Нам и так стоило невероятных трудов поддерживать с его родителями хорошие отношения – ты знаешь, этих косталийцев я терпеть не могу.

– А меня, значит, хочешь отдать им на съеденье? – спросила Эмма.

– Они не людоеды, – возразила Ластинда.

– Я не уверена...

Королева скорчила такую гримасу, что описать ее не смог бы и самый искусный литератор.

Эмма прикусила губу. Все разговоры на эту тему заканчивались одинаково. Мать (реже отец) напрочь отказывалась считаться с мнением самой дочери. Их гранитную уверенность в собственной правоте невозможно было сокрушить ничем.

После таких вот баталий принцесса чувствовала себя несчастнее обычного. Родители, сами того не понимая, подталкивали свое чадо к радикальному шагу. Одного они не могли взять в толк: отчаявшийся человек способен на все...

Ластинда взидала на дочь с привычным видом победительницы, намекая, что как бы юная бунтарка ни дергалась, ей не уйти от своей судьбы.

И королева, конечно, была права. Принцесса – старая дева – это немыслимо. Несмыслимый позор и проклятие. Повод для насмешек. Шеридония имела вполне приличные шансы войти в число государств, при упоминании о которых люди крутят пальцем у виска.

Все это Эмма понимала, но не принимала.

У нее остался последний аргумент.

– Значит, вот как? – Принцесса подошла к большому мшистому камню в нескольких шагах от дерева и вырвала его из земли одной рукой. Сделала она это легко, словно камень был подушкой, набитой чистейшим пухом. – А Тагульфу или его родителям понравится такое?

Ластинда вздрогнула. Все семнадцать лет она только и задавала себе вопрос, откуда у Эммы такая чудная способность. И чудная – еще мягко сказано. Девушка была не просто сильной, ее сила превосходила всякое разумение.

Однажды отец решил проверить, есть ли в округе что-нибудь, что Эмма не сможет поднять. Они отправились к Вересковым Холмам, к самой границе Шеридонии. На холме стояла старая-старая уродливая башня, оставшаяся от давно развалившегося от времени замка. Выглядела она достаточно внушительно.

Астальф подвел Эмму к башне и сказал: тяни. Эмма потянула. Башня со скрипом оторвалась от земли. Король вытащил платок, утер обильно выступивший на лбу и шее пот и сказал: ставь на место.

– Я только надеюсь, – произнес он дрожащим голосом, – что ты соблюдаешь обещание. Никто не должен знать о твоей силе.

– Конечно, папа, – заверила девочка.

Тогда Эмме было восемь лет. Не существовало, по крайней мере в Шеридонии, вещи, непосильной для принцессы...

– Верни камень на место, – сказала Ластинда, нервно озираясь. – Пожалуйста.

Эта часть сада при дворце была надежно укрыта от посторонних взглядов густой растительностью, но королева всегда боялась разоблачения. Рано или поздно, думала она со страхом, кто-нибудь из слуг узнает – и что тогда будет?!

Очередной разговор с мужем у Ластинды состоялся накануне вечером. На маленьком семейном совещании супруги постановили, что тянуть дальше нельзя, ибо того и гляди этот тупица Тагульф передумает и запросит невесту получше.

Эмме исполнится восемнадцать через три дня, и это самый подходящий случай объявить, наконец, о дне свадьбы. Придется, конечно, поднапрячься и мобилизовать все силы, но оно того стоило. Нет другого способа заставить Эмму взяться за ум и выбросить из головы эту дурь о рыцарях, подвигах и приключениях. Не женское это дело. Будь Эмма мальчиком, Ластинда первая благословила бы сына на подвиги и сама спроводила бы его в странствия, но судьба распорядилась по-другому, и принцессе придется подчиниться. Женщине – прялка, мужчине – меч. У кого есть силы в этом мире противиться заведенному порядку?

Но Эмма противилась, причем ее сопротивление со временем не уменьшалось, а лишь возрастало. И чего этой девчонке неймется? И эта непомерная сила – проклятие для бедняжки и ее окружения... Сколько всего она переломала во дворце, когда была еще маленькой и не умела соизмерять свои усилия! Разорение, да и только. Со временем Эмма научилась контролировать себя, но сила дремала в ней, готовая в любой момент перевернуть все с ног на голову. Ластинда отчаянно боялась, что, захоти Эмма пустить ее в ход в критический момент (у алтаря, к примеру), произойдет катастрофа просто вселенского масштаба.

– Доченька, опусти камень, – елеинным голоском произнесла королева.

Фыркнув, Эмма вернула камень на место. Витольд на руках у королевы радостно пискнул.

– Вы меня не заставите, – заявила принцесса. – Вы давали мне время подумать? Так я подумала. Мой ответ: нет, нет и нет!

Чтобы показать серьезность своих намерений, она уткнула руки в бока.

– Хорошо, хорошо... спокойно, доченька. Признаюсь, я переборщила немножко...

– Немножко? Ты рубишь под корень мою жизнь, даже не удосуживаясь узнать, чего хочется мне.

Ластинда мигнула. Витольд смотрел на сестру и улыбался во весь рот.

– И... чего же ты хочешь? – вкрадчивым голосом спросила королева.

Вопрос был на засыпку. Откровенно говоря, Эмма не знала. Во всяком случае, не могла с ходу описать это нужными словами.

– Я в тысячный раз повторяю, – сказала Ластинда, – мы с отцом действуем в твоих интересах. Тебе придется выйти замуж за Тагульфа. Или...

– Что? – прищурилась Эмма.

– Или... – Лицо королевы окаменело. – Тебе придется уйти из королевства навсегда. Ты станешь изгоем и очень скоро пожалеешь о своем упрямстве!

– Ах так? Отлично! Прекрасно, мама! – Принцесса топнула ногой с такой силой, что оставила в земле отпечаток глубиной в две ладони.

Королева сделала шаг назад и предупредила:

– Шантаж и скандалы тебе не помогут.

Девушка испепелила ее взглядом.

– Мы с отцом решили. Через три дня мы объявим о дате свадьбы. Даю тебе слово, Эмма, до конца месяца ты станешь женой Тагульфа!

Царственно развернувшись, Ластинда отправилась в сторону дворца, точнее, дворцовой кухни, откуда ветер приносил вкусные запахи.

Эмма проводила мать настороженным взглядом и с силой выдохнула. Жар залил ее голову. Подскочив к Баламуту, мирно спавшему под кустом, принцесса сграбастала его, села на землю и начала яростно гладить. Котенок возмущенно завопил.

– Ничего, ничего... они не оставляют мне другого выхода... – пробормотала Эмма. – Раз они серьезно, значит, и я – серьезно!

Принцесса опустила Баламута на траву, встала, выпрямившись, и отряхнула с подола травинки.

Взгляд ее упал на воткнутый в землю деревянный меч. Эмма смотрела на него долго, не отрываясь.

В уме принцессы зрело нечто поистине дьявольское.

В свою спальню, расположенную на третьем этаже западного крыла дворца, Эмма влезла по приставной лестнице. Ею она пользовалась часто, когда нужно было улизнуть из дому незамеченной или так же незамеченной вернуться. Спрыгнув с подоконника на пол, принцесса подбежала к двери и прислушалась.

В коридоре никого не было. Эмма заперлась на ключ и приникла к створке спиной, чтобы перевести дух.

Принцессе казалось, прямо сейчас решается ее судьба.

– Надо делать, что-то делать, – произнесла она вполголоса. – Или я упущу момент. Три дня!

Взгляд Эммы скользнул по комнате. У иных принцесс спальни куда богаче, больше и помпезнее, но это и понятно. Шеридония маленькая и не слишком богатая страна. Пройти ее из конца в конец, если делать больше нечего, путник с хорошими ногами мог часа за два.

Подданных у отца Эммы всего тридцать душ, и все живут в деревеньке у реки, что протекает неподалеку от дворца. Армия – пять солдат, которые никогда ни с кем не воевали. Казна скудная, и в сравнении с сокровищами иных королевств, той же Настурции, к примеру, о ней неприлично даже упоминать вслух.

Тем не менее родители делали все, чтобы Эмма росла в обстановке, которая бы приличествовала принцессе. Комнату наводняли дорогие игрушки; мебель, выписанная из-за границы, сверкала дороговизной и полным отсутствием вкуса; на полу лежали ковры, цветовая гамма которых могла довести иного эстета до колик. Имелось даже зеркало в полный рост, стоявшее в углу. Стоило оно бешеных денег, его резную тяжелую раму из дуба покрывало настоящее золото. Эмме полагалось проводить за ним большую часть дня, примеряя наряды и меняя прически, как всякой нормальной принцессе ее возраста, но на деле зеркало просто пылилось без надобности. Тряпки и безумные конструкции из волос, описанные в ежемесячных модных каталогах для принцесс, ее совершенно не интересовали. Драгоценные побрякушки, которыми была забита шкатулка, Эмму тоже не вдохновляли. Ожерелья, кольца и кольца она надевала лишь по просьбе матери и на праздники и не могла взять в толк, что в них хорошего. Принцессам-красавицам, чьи портреты печатали в королевских вестниках, Эмма не завидовала, разве что их красоте, но никогда их богатству и тому, что, нацепив на себя уйму блестяшек, они становились похожи на огородных пугал.

В спальне был и шкаф, набитый платьями, большую часть которых Эмма примеряла лишь один раз, только чтобы доставить родителям удовольствие. Ее не интересовали балы, где в этих платьях можно было бы красоваться, да и балы, к слову сказать, в Шеридонии проводились редко, а на другие Эмму не приглашали. Неужели родители не могли потратить все эти деньги, ушедшие на наряды, с какой-нибудь другой целью? На благо королевства, к примеру. Эмма получила приличное образование и могла бы дать отцу пару-тройку советов по этой части, но, увы, Астальф не любил, когда ему указывают.

Единственное, по мнению принцессы, что родители сделали для нее полезного, это библиотека. Книги покупали любые, какие Эмма просила, в том числе и научные. Родители не считали, что успех принцессы в ее сходстве с поленом по уровню интеллекта, спасибо и на этом.

Эмма остановила взгляд на книжном шкафу со стеклянными дверцами. На пяти полках, забитых под завязку, стояли книги о похождениях прославленных рыцарей. У себя в спальне Эмма держала только эту литературу и иные книги, особенно понравившиеся, зачитывала до дыр. Многие опусы были слишком бульварными, глупыми, с аляповатым сюжетом, но и в них присутствовала магия приключений и подвигов, что всегда влекли Эмму. Принцесса ничего не могла с собой поделаться, даже самая дешевенькая брошюра, если она рассказывала о герое, творящем добро направо и налево, вызывала в ее жилах настоящее кипение. Принцесса, конечно, видела разницу между лоточными поделками и книгами настоящих мастеров жанра, но ей одинаково нравилось все. Наяву и во сне Эмма грезила героическими делами, мечтала взять в руки настоящий меч и совершить хотя бы один, самый-самый маленький подвиг. Чем она хуже всех этих героев? Тем, что родилась неподходящего пола?

Эмма подошла к шкафу, своей истинной сокровищнице, открыла одну дверцу, провела пальцем по корешкам.

Ей стало страшно. Одно дело – мечтать, другое – осуществить мечту. Уйти из дому... вероятно, навеки... Здесь требуется недюжинная храбрость... А родители? А Витольд? А Баламут?

Внутренний голос напомнил, что через три дня ее жизнь изменится настолько, что придется забыть о своей мечте раз и навсегда.

Эмма зажмурилась, сжала кулаки и, выдохнув, прыгнула к письменному столу. Достала из верхнего ящика листок бумаги, придвинула чернильницу и стала писать.

Закончив, Эмма пробежала глазами по строчкам. Вроде хорошо. Добавила подпись.

Торжественное, исполненное пафоса послание родителям было готово. Эмма надеялась, что у короля с королевой крепкие нервы и они не упадут сразу после прочтения этих строк. Девушка засунула сложенный вдвое листок между книгами, так, чтобы нашли не сразу.

Теперь самое сложное. Девушка открыла комнату, высунула голову в коридор и прислушалась. Пустота обнадеживала. Эмма на цыпочках выбежала за порог и помчалась в южное крыло дворца, держась как можно дальше от коридоров, где был велик риск столкнуться с кем-нибудь из слуг. Несколько раз ей даже пришлось прятаться в нишах, укрытых тенью, и пережидать, когда мимо пройдет либо служанка, либо истопник. Дважды принцесса едва не попала на глаза мажордому, который на пару с кастеляном направлялся inspectировать съестные запасы в подвал, при этом почему-то делая по коридорам ненужные крюки.

Можно сказать, Эмме повезло. Раз кастелян занят, у нее куда больше шансов проверить свою авантюру. Постояв на углу, она спустилась по каменной лесенке и оказалась у двери одной из многочисленных кладовых. Свеча в нише стены не горела, поэтому внизу царил сумрак. У принцессы не было ключа, пришлось воспользоваться испытанным способом и открыть врезной замок обычной шпилькой. В эту кладовую в детстве она забиралась много раз, впрочем, как и во все другие кладовки дворца. Немыслимое количество часов провела Эмма в исследованиях дворцовых закоулков, что, несомненно, ей сейчас пригодилось.

В кладовке хранился разнообразный хлам, предназначенный в основном для балов, торжественных приемов и праздников. Большую часть его составляла одежда, от самой дорогой, лежащей в особых сундуках, до самой дешевой в сундуках поплоче. Были здесь и карнавальные костюмы, почти не использованные. Их закупали, и они пылились, почти не имея шансов украсить собой чью-либо фигуру, ибо, увы, гости при шеридонском дворе всегда были дефицитом.

Принцесса зажгла лампу, и желтый свет разлился по длинному, пахнущему пылью и влагой помещению. Справа от нее громоздились декорации, краска на которых потускнела и облупилась, праздничные тумбы с увядшими цветочными гирляндами, большие подсвечники в рост человека и прочий хлам. Слева же рядами стояли сундуки с одеждой. Те, в которых хранилось нечто дорогое, были под замком, остальные без. Эмма стала открывать сундуки наугад, не имея четкого представления, что именно ищет. Ее сердце бешено стучало. Эмма чувствовала себя вором в чужом доме и чрезвычайно боялась, что ее застукают.

Если бежать из дома в дальние края, рассуждала она, то надо решить, в каком виде. Быть принцессой, чтобы все видели, что ты принцесса, и косо смотрели на тебя, недоумевая, почему ты путешествуешь без сопровождения... в общем, верх глупости. Прикинуться вольной странницей? То же самое. Вольные странницы, как правило, вооружены, и, глядя на них, сразу виден род их занятий. Не прятка, но меч. Что бы там ни говорили родители Эммы с их ретроградскими воззрениями, а женщины тоже способны на воинское ремесло, и это факт. Однако наемницы явление редкое и в основном чужеземное, вряд ли Эмме подойдет такая роль. Тогда что? Взгляд принцессы упал на пыльный овал зеркала, стоявшего на крышке одного из сундуков. Эмма взяла его в руки, сдула пыль, чтобы посмотреть на себя. Ничем не примечательная внешность, никто и не заметит разницы, если она переоденется в мужское платье... Эмма замерла, затем хлопнула себя по лбу. Этот же вариант напрашивается сам собой! Лучшей маскировки и не придумать, к тому же если ее будут искать, то станут охотиться за девушкой, не предполагая маленькой хитрости.

Отставив зеркало, принцесса начала яростно рыться в сундуках. Спустя пять минут поисков, подняв тучу пыли и чихнув раз десять, Эмма обзавелась новым гардеробом. Разложила его на крышке сундука и удовлетворенно хмыкнула. Сложив находки в торбу на плечо, Эмма подумала, что на первое время этого хватит. Потом она обзаведется новой, более удобной одеждой, теперь главное – улизнуть из дворца, не вызвав ничего подозрения. Чем больше пройдет времени с момента ее ухода и до момента, когда все станет ясно, тем больше у Эммы будет форы.

Постаравшись, чтобы обстановка кладовой приняла более-менее прежний вид, принцесса вышла и закрыла замок при помощи той же шпильки. Проходя мимо кухонной кладовой, Эмма слышала приглушенные голоса кастеляна и мажордома. Они спорили о морковке. Принцесса хмыкнула. Кому что.

Вернувшись в свою спальню, Эмма спрятала торбу с одеждой под кровать. Приближалось время обеда, где ей надо присутствовать обязательно, причем искусно делать вид, что ничего не происходит. Главное, усыпить бдительность родителей и дожждаться темноты. В книгах беглецы, как правило, пускаются в путь на ночь глядя, что неслучайно. Тьма помогает прятаться, к тому же большинство нормальных людей ночью спят. И большинство ненормальных, поэтому шансы на успех в потемках куда выше, чем при свете дня.

Едва Эмма успела переодеться к обеду, натянув простое платье, как в дверь постучала служанка.

Принцесса вздохнула.

Началось!

Девушка тщательно стерла с лица следы страстей, изобразила пай-девочку и шагнула к двери.

Этот день был самым длинным и томительным в ее жизни. Мало того что Эмме приходилось отыгрывать свою роль, так еще и вечер никак не хотел наступать. Принцесса то и дело смотрела в окно, но солнце все торчало на своем месте, а если и двигалось, то совсем чуть-чуть. После ужина, на котором отца не было (король занимался аудитом вместе со своим министром финансов), а мать как-то подозрительно разглядывала дочь, Эмма наконец смогла улизнуть в свою комнату. Правда, королева сумела перед этим поймать ее у двери и завести неприятный разговор.

– Ты странная, дорогуша, – заметила Ластинда.

– Наверное, жаркое... – сказала Эмма. – Жирное...

– Жирное... – кивнула, нисколько не поверив, мать. – Выкладывай!

– Что? – Принцессе казалось, ее голова вспыхнула, как факел, и вся кровь, какая есть, прилила к лицу.

– Опять пойдешь в сад мечом махать? – прищурилась Ластинда.

Так как в ушах Эммы стоял гул, она не сразу расслышала.

– Чего?

– Не прикидывайся.

– Я не...

– Я прервала твои сегодняшние воинские упражнения, но ты о них все время думаешь... – Королева смягчилась, ибо материнский инстинкт способен сделать кроткой овечкой (хоть на секунду) и отъявленную злодейку. – Эмма, очень тебя прошу, оставшиеся три дня проводи в смирении и раздумьях. Ты вступаешь в новую жизнь. Отнесись к ней серьезно.

Принцесса долго не находила, что ответить. С одной стороны, тянуло устроить десяти тысячный по счету скандал, с другой, Эмма понимала его бессмысленность. Очередное столкновение мировоззрений лишь заставит ее потерять время.

Девушка мужественно противостояла искушению.

– Я отношусь, мама.

– Хорошо... Знаешь, когда замуж выдавали меня, я два дня перед свадьбой рыдала в подушку.

– Два? И слез хватило?

– Перед этим я выпила много воды.

– Хм...

Ластинда взирала на дочь с любовью, словно заранее укоряя ее за побег.

– Мама, обещаю, эти три дня я проведу в уединении, размышлениях и, если надо, раскаянии. – Чтобы произнести эту очевидную ложь, принцессе пришлось набрать побольше воздуха. – С играми покончено.

– Рада, – кивнула королева.

Мать и дочь обнялись. Эмма надеялась, что Ластинда не заметит ее пылающих ярким рубиновым светом ушей.

Но королева, кажется, поддалась очарованию лжи.

– Я пойду, а то голова разболелась, – пробормотала принцесса, готовая провалиться сквозь пол.

Они расстались. Эмма шла по коридору, борясь с искушением задать стрекача, но боялась, что Ластинда наблюдает за ней. Так, с колом в спине, делая неторопливые шаги, обливаясь потом, принцесса вошла в свою спальню и закрыла дверь. Там она сделала несколько прыжков, сопровождаемых гримасами, – надо было дать волю скопившемуся напряжению – и несколько раз стукнула себя ладонью по лбу. Это же надо играть настолько бездарно! Только совсем уж идиот поверил бы в искренность ее слов, и беда в том, что Ластинда к числу идиотов никогда не относилась.

Принцесса приказала себе успокоиться. У нее есть часа два, чтобы еще раз обдумать все пункты плана...

...Спустя два часа Эмма, настроенная вполне решительно, выглянула из окна, в сотый раз проверяя, не стащил ли кто-нибудь ее приставную лестницу. Лестница была на месте.

Баламут вскочил на подоконник и уставился на хозяйку. Эмма подхватила его на руки, прижала к себе:

– А тебе, дурачок, придется остаться. Не могу я взять тебя с собой. Кто знает, какие опасности меня ждут.

Кот недоверчиво повел ушами.

– Ты ведь все понимаешь, дружок, – прошептала Эмма, – прости...

Все было готово. Сумерки, до того ленившиеся выполнять свои обязанности, становились все гуще.

Принцесса взобралась на подоконник, огляделась, прислушалась. Одна. Сад внизу тих, как бывает только летним вечером. Комары, вылезшие из темных сырых мест, готовились к трапезе, учуяв близость человеческой крови. До сих пор не переодевшаяся в новое платье (вдруг ее все же кто-нибудь увидит?) Эмма спустилась по приставной лестнице и засунула ее в растущие под окном кусты. В саду было почти темно. Солнце село.

Принцесса перекинула торбу через плечо и трусцой побежала в сторону конюшни. Самое сложное было увести лошадь, не попавшись на глаза конюхам. Обычно все время они проводили на рабочем месте, за исключением среды, когда вместе с трубочистами и истопниками играли в петанк. Сегодня и была среда. Эмма просто не имела права не воспользоваться этим. Добежав до длинного каменного здания в ста шагах от дворца, принцесса заняла позицию в кусте орешника.

Отсюда был виден главный вход – большие деревянные ворота, закрытые снаружи на засов. Вокруг ни души. Верный знак, что конюхи ушли. Отбиваясь от злющих комаров, Эмма выбралась из засады.

Все было как в романе, где герой под покровом ночи проникает в злое логово колдуна, минует демоническую стражу, преодолевает сотни опасностей, чтобы спасти попавшую в беду деву... Эмма сглотнула. А быть героем, оказывается, довольно страшно.

С засовом пришлось повозиться, он все время за что-то цеплялся и гремел. Когда ворота открылись, принцесса скользнула между створками. Лошади в стойлах с интересом наблюдали за ней, высовывали морды, фыркали. Эмма помахала им, направляясь в дальний конец конюшни, где стоял ее любимый конь Буцефал. Она сама вырастила его, на нем же училась ездить верхом и даже пыталась изображать из себя рыцаря на турнире, пока не поняла, что у них обоих это не очень получается. Буцефал был покладистым коньком, небольшим, но быстрым – в том и заключалось его главное достоинство, ибо особой статью и силой он не вышел. Эмма колебалась, взять его или другого жеребца, более подходящего для разного рода благородных деяний, но решила не предавать друга. Другой жеребец-то может еще и норов показать, не согласившись с планами принцессы относительно путешествия. В этом отношении на Буцефала Эмма могла положиться.

Жеребчик тоненько заржал и высунул голову наружу.

– Привет. Хочешь прогуляться? – быстро прошептала Эмма, проникнув в стойло и отвязывая Буцефала.

Тот, разумеется, не возражал. Принцесса выскользнула наружу, сбегала к козлам, на которых лежали седла, и принесла подходящее. Иные ее сверстницы и понятия не имели, каково это седлать лошадь, но Эмма умела гораздо больше, чем положено девушке ее положения.

Едва Эмма затянула последний ремень, как испытала потрясение. От него принцессино сердце немедленно скатилось в пятки и закрутилось там волчком.

В дверях конюшни стоял один из конюхов, он держал в поднятой руке фонарь, в другой у него красовался хлыст.

– Кто здесь?

Хриплый голос заставил Эмму подскочить. Принцесса шмыгнула вместе с Буцефалом в стойло и притаилась там. Очевидно, фореитор не заметил ее в темноте, ибо в дальнюю часть конюшни свет фонаря не доходил.

Эмма пригляделась к шатающейся походке человека. Тот был пьян. Держа фонарь, он сделал дюжину шагов по проходу между рядами стойл. Принцесса съежилась, гадая, что делать дальше. Если конюх застукнет ее здесь, испробует ли он на ней свой хлыст? Допустим, принцессе в потемках удастся ускользнуть, но ведь шум поднимется все равно, и тогда о побеге придется забыть. Или же отправляться в дальние края на своих двоих.

В общем, Эмма со страхом ждала продолжения. Конюх пошатывался. Он дошел до третьего от конца стойла, посветил фонарем направо и налево, убеждаясь, что лошади на месте, проворчал что-то себе под нос и... повернул назад. Вот повезло!

Впрочем, радовалась она рано. Конюх обругал своего помощника за то, что тот забыл задвинуть засов, оставив открытыми ворота, и вышел из конюшни. Эмма и понять ничего не успела, как створка скрипнула, грохнула, и засов упал на скобы, закрыв ее внутри.

Перепугавшись, принцесса ринулась к входу, толкнула ворота, но те не шелохнулись. Толкнула сильнее, услышав слабый треск, и приказала себе остановиться. Если те слетят со своего места вместе с петлями, это вызовет у конюха вполне обоснованные подозрения.

Эмма соображала, как быть дальше, и пришла к выводу, что какой-то дурацкий засов не должен стать помехой ее мечте. Принцесса помчалась в дальний конец конюшни, где ждал Буцефал. Конек удивленно воззрился на хозяйку, заметив, что она ведет себя странно. Остальные лошади, тоже почуяв это, превратились в слух.

Эмма шарилась у основания дальней стены, что-то разыскивая. Не жалея платья, принцесса ползала на карачках, пока наконец не отыскала место в каменной кладке снизу, за которое можно было бы хорошенько уцепиться.

– Только бы ничего не сломать... – пробормотала Эмма и поднатужилась.

По правде сказать, особых усилий она не прилагала, но низ конюшни оторвался от фундамента и поднялся. Посыпалась пыль. Буцефал испуганно заржал. Эмма приложила палец свободной руки к губам, а затем схватила конька за поводья. Другие лошади просто онемели от увиденного. Не каждый день им приходилось видеть, как человек, хрупкая с виду девушка, если точнее, одной рукой поднимает стену.

– Выходи, – шепнула принцесса Буцефалу. – Ну!

Она потянула конька и заставила выйти, затем, помахав остальным лошадям, вышла сама. Все это время она придерживала рукой стену, потом аккуратно опустила ее на место. Строители свое дело знали, конюшня осталась целехонькой.

– Итак, нам пора. Чем раньше выйдем, тем дальше окажемся с восходом солнца.

Буцефал успокоился. Раз хозяйка знает, что делать, ему беспокоиться не о чем.

Эмма влезла в седло и направила конька на запад. Вскоре они покинули дворцовую зону – крепостной стены здесь давно не было – и поскакали через холмы. В этой части крошечной Шеридонии никто не жил, поэтому никто и не мог заметить мчащуюся через ночь принцессу.

Половинка луны, похожая на кусок сыра, вышла из-за туч, освещая сказочные, захватывающие дух ландшафты. Эмма ощутила себя настоящим странствующим героем, мчащимся навстречу опасностям. Нет, ну в самом деле: совершенно как в книгах! Того и гляди появится огнедышащий дракон, несущий в лапах несчастную деву, только что похищенную из отчего дома...

Хотя и охваченная сладкими грезами, принцесса не забывала об осторожности. На западе был один пограничный пост, стоявший у мощенной булыжниками дороги, и конечно, Эмма не собиралась показываться на глаза бравому стражу. Она просто пересекла пределы Шеридонии чуть в стороне и очутилась в землях, по большей части диких, никому не принадлежащих.

Вот, собственно, и весь побег. В иных государствах Эмме пришлось бы, наверное, неделю ехать до границы, попутно прячась от погони и рыская по темным местам, чтобы никому не попасться на глаза. Шеридония не могла похвастаться ни территорией, ни населением, следовательно, шанс обзавестись ненужным свидетелем практически равнялся нулю.

Буцефал перебежал пограничную черту и махнул хвостом, учуяв ветер дальних странствий. Кровь в его жилах забурилась.

– Мне тоже страшно, – сказала Эмма. – Но мы ведь решили. Назад пути нет.

Она и правда очень боялась и, возможно, отказалась бы от своей затеи, но мысль о материнском гневе, помноженном на гнев отцовский, была невыносима.

Бросив последний взгляд на оставшуюся позади Шеридонию, Эмма прищипорила Буцефала.

Глава 3

Город Таратай славился не только тем, что был частью богатого королевства Меспения, но и своим статусом туристического и культурного центра. Удачное расположение на перекрестке семи главных дорог королевства обеспечивало Таратаю постоянный приток приезжих. А что такое приезжий? Ценитель старины скажет, что это свидетель величия города, который понесет его славу и дальше, в иные далекие земли, чем еще больше умножит ее (славу). Торговец заявит, что приезжий – это денежки, и будет абсолютно прав. Люди, гномы и эльфы прибывают в Таратай уже не столько, чтобы поглазеть на старинные дома, площади и башни, сколько прошвырнуться по лавчонкам, лавкам и магазинам. Прибыль – двигатель прогресса, авторитетно добавит представитель славного торгового сословия. И снова окажется прав. Таратай – крупнейший в королевстве рынок всего, чего только можно себе вообразить, включая экзотику. Что такое приезжий? Волшебники, которых влекло в город, словно мух на... в общем, на мед, ответили бы, что ищут мудрости, опыта и новых клиентов. И они их находят. В Таратае проживает, временно или постоянно, столько волшебников на квадратный метр, сколько нет, пожалуй, больше нигде... Короче говоря, можно и дальше приводить мнения представителей разных слоев населения, и все они окажутся по-своему верными. Каждый находит в Таратае что-нибудь для себя – кто получает давно вожаденную безделушку, а кто и что посерьезнее. Немало в городе и несчастных. Да-да, именно в этом смысле. Существа, скрюченные горем, обливающиеся слезами, изможденные бессонницей и неустанными тяжкими думами, бьющиеся в припадках, – их в Таратае в избытке. Они приезжают в город в надежде найти защиту – и, как правило, находят ее. К примеру, у вас большое горе: волосатый людоед, мерзкое чудище, сроду не чистившее зубов и не стригшее ногтей, похищает любимую племянницу. Что делать? Езжайте в Таратай, идите на улицу Героев и нанимайте любого рыцаря на ваш вкус и кошелек. Можно рыцаря с самым высоким рейтингом, того, чье расписание столь плотно, что ваша племянница, пожалуй, может и не дожждаться, пока до нее дойдет очередь. Либо рыцаря-середнячка, у него и времени побольше ввиду меньшего количества заказов, и расценки не так велики. Или, если ваши финансы поют романсы, обратитесь к новичкам, стоящим внизу рейтингового списка. Надо же, в конце концов, им как-то продвигаться и зарабатывать славу героя. В общем, выбор за вами. Если что непонятно, на улице Героев стоит справочная будка, в которой вам дадут ответы на все ваши вопросы. Вам ведь не жалко потратить пару монет, верно? Зато будете точно знать, кто из рыцарей вырвет вашу племянницу из лап монстра.

Однако стоит предостеречь новичков. Дело иметь вам придется не с самим рыцарем, а с его агентом, таким пронырливым и донельзя деловым существом, которое всегда знает, что хочет. У каждого героя в нынешние времена есть свой представитель, и именно конторами агентов под завязку забита улица Героев. Агент расскажет вам об услугах, которые оказывает его подопечный, и назовет расценки. Победа над драконом или тем более морским змеем – удовольствие не из дешевых. Тут нужна высшая героическая квалификация, соответствующее недешевое снаряжение и командировочные. Сумма, в которую вам обойдется спасение кровинушки, может вас поразить, но ведь в ваших закромах кое-что водится, да? Вы король, герцог, граф, на худой конец, барон, а не мельник или паромщик, чьи дела идут не очень чтобы хорошо. Драконы не похищают крестьянок, они любят принцесс, чьи родители, как правило, достаточно богаты, чтобы оплатить спасение по высшему разряду. Впрочем, не волнуйтесь, никто не собирается обирать вас до нитки. Конкуренция между героями немалая, а там, где конкуренция, заоблачных цен быть не может. Стоит агенту пожадничать, клиент тут же утечет в контору по соседству, где его примут с распростертыми объятиями и с удовольствием снизят цену... Ах, вас шокируют подобные вещи и вы не понимаете, как

такое возможно? Прогресс! Так вам ответит любой агент, да еще вытаращит на вас глаза, словно спрашивая, из какой дремучей провинции вы приехали. Это раньше герои валандались по дорогам Трехсот королевств безо всякой цели и смысла. Если везло, подвиг сам сваливался им в руки, если нет, что ж, такова судьба. Героизм был делом случая и призванием дилетантов, не знавшим таких элементарных понятий, как «страховка» и «комиссионные».

Сегодня все иначе. Ни один герой теперь не существует сам по себе. Становясь рыцарем, он вливается в большую процветающую отрасль экономики Трехсот королевств, и лучших, самых героических, самых рейтинговых спасителей можно найти лишь в Таратае. И в этом прекрасный город с красными крышами уверенно держит пальму первенства.

Ага, я вижу, вы решились, ваше дело не терпит отлагательств и людоед уже наточил нож, чтобы отобедать вашей племянницей? Тогда добро пожаловать на улицу Героев. Круглые сутки, семь дней в неделю.

Вот как раз один из героев верхних строчек рейтинга свободен и готов снова двинуться в путь, презрев опасности и лишения.

Кай Рыцарь Льва сидел в большой кадушке, полной мыльной воды, из которой торчала только его голова. Щекастый кудрявый цирюльник с закатанными рукавами рубашки вился вокруг бочки, точно громадный толстый шмель, приводя волосы принца в порядок. Помощник цирюльника, угрюмый подросток, тем временем взбивал в чашке мыльную пену для бритья.

Из-за распахнутого окна комнаты доносились звуки улицы. Стучали по мостовой каблучки башмаков, кто-то сморкался, кто-то чихал, кто-то кашлял, кто-то бубнил или смеялся, скрипели оси телег и тележек, лошадиные копыта выбивали из камней стройный ритм. Чутким ухом рыцарь даже уловил свару между двумя кухарками на углу улиц Героев и Лесничей. Сколько он себя помнил (снимая здесь домишко), эти две достойнейшие дамы, каждая весом под два центнера, ругались постоянно, а иногда и пускали в ход кулаки, коим позавидовал бы портовый грузчик. Еще откуда-то издали разносился по округе перезвон колоколичиков и писк флейт, который неизвестные деятели, очевидно, пытались выдать за музыку. Принц Керузии подумал, что на соседней улице, должно быть, обосновался бродячий цирк.

Таков был шумный Таратай, город, где жизнь большую часть дня, а также времени года, даже зимой, била ключом.

Кай не обращал на суету и шум никакого внимания. Его взгляд был пуст и устремлен в стену. В голове, которую так тщательно прихорашивал цирюльник, в тот момент не водилось ни одной мысли. Будь она ведром, то при ударе непременно издала бы характерный звук.

Принц хандрил. Признаки хандры обнаружились после сражения с бандой разбойников в Трильгемском лесу, усилились после него, усугубились по пути в Таратай, когда Кай встречался с представителем заказчика и сообщал ему о своих успехах возле моста через реку Дун, и окончательно хандра оформилась перед самым въездом в городские ворота. Иными словами, приехал принц домой уже в состоянии полного безразличия к окружающему миру. Октавий пытался как-то предотвратить развитие событий, но он был всего лишь рыцарским конем. Всех его талантов не хватало, чтобы заполнить пустоту в сердце благородного героя.

С таким вот настроением Кай и погрузился в горячие мыльные воды, надеясь, что омовение устранил не только грязь и пот, но и просветлит дух. Сидел он в кадушке уже не меньше десяти минут. Изменений пока не наблюдалось.

Скрипнула дверь. Вошел банщик, голый по пояс, с белым полотенцем на плече. В руках он нес деревянный поднос, на котором стоял жбан с пивом, кружка и тарелка с кусками пахучей холодно-копченой макрели из Магульмы, портового города на юге. Принц бросил

на банщика тусклый взгляд филина, подошедшего к последней черте своего бытия, и вновь уставился в стену.

Следующие несколько минут прошли без изменений. Цирюльник закончил с волосами и занялся бритьем. Его бритва была воистину виртуозной, и вскоре гладкое, без единого изъяна лицо Кая приобрело нужную свежесть, было тщательно промыто и смочено особым травяным настоем для повышения общего тонуса кожи и лицевых мышц. Всякого другого человека такая процедура привела бы в самое бодрое расположение духа – Кай же остался невозмутим. Банщик и цирюльник обменялись взглядами и одновременно пожали плечами. Цирюльник дал знак помощнику, свернул инструментарий и выскочил за дверь.

Банщик вооружился щеткой на длинной ручке, намереваясь хорошенько оттереть героическую спину, но дверь снова скрипнула. В нее сунулся длинный гномский нос, за носом последовало и все остальное: лицо, голова, в основном плешивая, плечи, туловище с брюшком и кривоватые ноги, обутые в башмаки с пряжкой.

– Ваше высочество изволили вернуться, – произнес иронически-торжественным тоном гость, снимая расшитую золотом и украшенную жемчужинами шапочку. – И с очередной победой.

Кай и бровью не повел, продолжая разглядывать стену.

Карамболь, одетый, конечно, в богатый сюртучок по последней таратайской моде, взобрался на подставку, которая позволяла ему быть вровень с верхним краем бочки.

– Так, – сказал агент, прощупав принца своими острыми хитрыми глазками. – Живы, как я понимаю, и ни одной царапины?

Герой не ответил.

– Ясно. Знаете, заказчики довольны. Вы этих разбойников навсегда отучили творить пакости. – Гном потерял ручки. – Еще один подвиг. Рейтинг растет, ваше высочество!

Эта новость, которая и новостью-то не была, нисколько Кая не впечатлила.

Карамболь бросил на банщика, стоявшего позади принца со щеткой, словно стражник, строгий взгляд. Тот спохватился и ускакал за дверь. Гном щелкнул пальцами. По ту сторону порога что-то завозилось, задвигалось. Кай нехотя скосил глаза. В комнату вбежали трое. Они были крошечными, и их видовую принадлежность определить с ходу было невозможно. Трое несли что-то, завернутое в тряпицу. По знаку Карамболя это что-то было немедленно водружено на стол. Неопознанная, но весьма шустрая тройца в мгновение ока ушмыгнула за дверь.

– Мои племянники, от сестры... – небрежно заметил агент принца, гордо задрав длинный нос. – Пора их в гномы выводить. А мне здесь нужны быстрые ноги и внимательные глаза. – Карамболь вытащил из кармана свиток и развернул его. – Итак, ваше высочество, пока вас не было, мне поступило множество предложений о спасении принцесс. Если быть точным, то двадцать одно. Я тут пометил задания, которые поближе, но не все данные точны. Некоторые злодеи, особенно драконы, любят менять место жительства.

Принц сжал челюсти и ничего не сказал.

– Понимаю, принц, вы устали с дороги, вы не в духе... – сказал Карамболь, щурясь. – Это пройдет...

Кай слегка оттянул в сторону уголок рта. Это была не улыбка – гримаса неудовольствия.

– Тем не менее, – настаивал Карамболь, – мы должны дать ответ родственникам прекрасных дев как можно быстрее. – Гном спрыгнул с подставки и подбежал к столу. – Короче, вы сами знаете порядок. Сейчас я покажу вам портреты принцесс, чью жизнь и, что крайне важно, девичью честь вам предлагается спасти. – Агент бросил взгляд на Кая, но тот по-прежнему сидел неподвижно. Его хандра стала еще на пару метров глубже. – Итак... – Коро-

тышка убрал тряпицу, под которой оказалась стопка из полутора дюжин портретов, изображающих похищенных красавиц. – Начнем по порядку...

Гном сунул нос в список и взял верхний портрет. Выставив его перед собой, Карамболь представил:

– Мальва из княжества Анисия. Шестнадцать лет. Похищена драконом из королевского сада во время прогулки. Хорошо поет, вышивает, готовит омлет с луком, играет на лютне. – Гном выглянул из-за портрета – тот был немалым для гнома размера. – Э... ваше высочество... Назвать цену, которую ее отец-князь предложил за...

– Нет... – медленно произнес Кай.

Это было первое слово с того момента, как Рыцарь Льва въехал в ворота Таратая.

– И...

– Нет.

Это было второе слово.

– Понял. – Карамболь живо отложил портрет Мальвы и взялся за другой, поменьше: – Далия, дочь герцога Тоска. Получила отличное воспитание в Сурийском пансионе для девочек, после дипломной вечеринки ехала домой, но по пути на нее напала банда гоблинов. По последним сведениям, бедняжку злыдни держат в пещере, которая находится...

– Нет.

Гном проглотил слюну.

– Ладно. – Новый портрет изображал пухлую особу с выпученными глазами. Казалось, изображенная на холсте принцесса вот-вот лопнет.

– Нет... – тут же сказал Кай, не дав агенту и рта раскрыть.

Следующий портрет мог напугать и выдавших виды героев. Художник, вероятно, задал себе целью во что бы то ни стало придерживаться правды жизни и изобразил все, ничего не приукрасив.

– Подземные духи, какая страшилина... – вырвалось у Карамболя, но он тут же собрался и кашлянул. – Пускай вас не обманывает внешность, ваше высочество, принцесса Ида чрезвычайно благовоспитанна, целомудренна и добра. Ее коэффициент интеллекта, говорят, выше всех остальных принцесс в Трехстах королевствах. А про ее доброе сердце ходят легенды. Ида открыла у себя в Страдалии не меньше ста приютов для бездомных, сама регулярно устраивает благотворительные акции в поддержку нуждающихся, заботится о расовых меньшинствах. Именно Иде принадлежала идея создать первую школу для троллей из Гнилых Низин.

Рыцарь Льва слегка ожил. Гном по его взгляду понял, что герой ошеломлен.

– Понимаю ваш скептицизм. Добром эта затея не кончилась. Папаша одного из учеников, большой и невоспитанный тролль, живущий под мостом, похитил Иду во время очередного посещения этой злосчастной школы и грозит сдаться с нее шкуру живьем, если она не прекратит мучить несчастных детей чистописанием.

– Она отказалась?

– Да, – кивнул Карамболь. – Говорит, что принципы дороже.

– Терпеть не могу принципиальных девиц, – проворчал герой. – То есть я не против в целом, но уж больно много с ними мороки. Нет, пускай Иду вызволяет из беды кто-нибудь другой. Гиллан Серебряный Плащ подойдет, он обожает уродин.

– Хорошо... – Агент отложил портрет и взял другой. – Мамула из Садира, дочь графа Амуркаса...

– Нет, – сказал принц, который терпеть не мог тощих пигалиц с усами.

В руках у гнома тут же появился другой портрет.

Кай кликнул банщика, ему надоело сидеть в остывшей воде.

Через пятнадцать минут Рыцарь Льва уже находился в гостиной, расположенной на первом этаже съемного дома.

– ...Эсмеральда де Пуртан де Зисс де Самболь...

– Нет...

Кай взялся за пиво и рыбу. Он бы давно выгнал агента, если бы не безразличие и лень, все еще владеющие его благородным естеством.

– ...Сикора Каланийская...

– Нет...

Портреты следовали один за другим. На некоторые Кай не смотрел вовсе и отказывал, едва услышав имя. Некоторые ему были знакомы. Принцессы, их носившие, слыли особами вздорными, склочными, капризными и вечно влипали в неприятности. Были и такие, на счету которых не меньше дюжины похищений драконами, разбойниками, гоблинами или озабоченными типами вроде Синей Бороды. Спасали таких бедовых девиц самые разные рыцари, бывало и не по разу, но все без толку. Стоило окружающим зазеваться, как очередной злодей тут же совал девицу в мешок и задавал стрекача в ближайший темный лес.

Сам Кай зарекся связываться с такими особами после того, как в третий раз вытащил одну ветреную красотку из волосатых лап сластолюбца, едва не сделавшего свое черное дело, а ее утащил дракон. Причем буквально у принца из-под носа. Каю оставалось только смотреть, как силуэт крылатого чудища исчезает в дымке горизонта. Принцесса и тогда не переставала ворчать и нудить, она переключилась на дракона, критикуя его немытую чешую, неаккуратные когти и запах из подмышек. Положа руку на сердце, Кай тогда вздохнул с облегчением. Вздорная принцесса перестала быть его проблемой, а стала драконьей. Ему даже стало жаль бедолагу.

Голос гнома вывел принца из пучины воспоминаний.

– Палома Белокурая... Совсем юна, только месяц назад выведена в свет. Исключительно красива, обаятельна и умна. Похищена неизвестными прямо из спальни и унесена в неизвестном направлении, – сказал Карамболь. – Бедняжка...

– Нет.

Агент вдохнул воздух, подержал в себе и выдохнул, намекая, что все происходящее ему не нравится.

Принц отодвинул пиво и закуску, почти не притронувшись к ним, и сидел в кресле с закрытыми глазами. Ноги в шлепанцах он положил на край стола. Всеми способами герой показывал, что не желает больше слушать о попавших в беду девицах, но агент не отставал. Карамболь был напорист и знал абсолютно точно, что в его профессии упрямство ценится, пожалуй, выше даже, чем умение считать денежки. Только сам гном знал, сколько сил и времени нужно, чтобы заставить Кая пошевелиться и дать согласие на очередной подвиг. Раньше принц мчался на выручку попавшим в беду, едва только Карамболь открывал рот, но что-то случилось с ним в последнее время. Его высочество похож на впавшую во вселенскую тоску старую деву, а не на молодого, полного жизни человека, воплощающего в себе идеалы благородства. Именно Кая чаще всего приводят в пример, когда речь заходит о стандартах рыцарства, именно его портрет постоянно красуется на обложках журналов. И что же? Другой бы по достоинству оценил то внимание, которое дарует ему общество, но не Рыцарь Льва. Вот сейчас: какой герой отказался бы от всех этих принцесс? Карамболь специально подобрал самых, с точки зрения престижа, выгодных красавиц. Спасение каждой из них принесло бы Каю новые очки и подъем на очередную строчку в рейтинге.

Гном покосился на грудку портретов, которая возвышалась на столе.

Катастрофа!

Карамболь ждал, что скажет принц, но тот молчал, отказываясь внимать посылаемым агентом флюидам.

– Ваше высочество, пора поговорить серьезно, – сказал гном.

– Зачем?

– С вами что-то происходит.

– Ага.

– Что «ага»? Ваше отношение к карьере меня беспокоит. Вы сейчас в конце пути к самой вершине. От верхней строчки вас отделяют четверо! Понимаете?

– Угу...

– Что «угу»? – взвился Карамболь. – Сейчас вы отказались от самых выгодных контрактов. Уже через час их расхватают ваши конкуренты, а через неделю вы скатитесь на десятое место рейтинга, это как пить дать!

Принц молчал, сидя с закрытыми глазами.

– Что скажут ваши родители, если я напишу им?

– Мне наплевать, Карамболь.

Нос гнома от удивления, казалось, сделался еще длиннее.

– Наплевать? Нет, вы только послушайте! О Подземные духи! Каю Рыцарю Льва наплевать!

– Угу, – кивнул принц. – И вообще, оставь меня. Не хочу никого видеть.

Агент уставился на него, затем моргнул и помотал головой:

– Так, спокойно! Спокойно, ничего страшного, мы все обсудим.

Принц поглядел на него:

– Обсуждать нечего. Я не хочу.

– Вы устали, у вас депрессия... понимаю, конечно, понимаю. Это, так сказать... профессиональное пресыщение... Когда работа не приносит радости и все такое... Конечно, понимаю! – Гном подобрался к креслу и вкрадчиво добавил: – Но, ваше величество, так нельзя. Вы связаны обязательствами. Вы не просто какой-то там любитель, каких пруд пруди. Вы часть героической элиты Трехсот королевств, о вас слагают легенды...

– Напрасно.

– Умоляю, спасите хотя бы одну заваливающую принцесску из этой стопки! – простонал агент.

– Не хочу.

Гном всплеснул руками, потом схватился ими за голову:

– Уж не заколдовал ли вас в пути какой-нибудь черный чародей?

– Нет. Таких не встречал.

– Тогда... тогда должна быть какая-то причина, – настаивал Карамболь.

Принц тоскливо вздохнул, бросив взгляд в окно. Улица Героев походила на реку, только вместо воды – пестрый поток зевак, в основном туристов.

– Есть причина, дорогой друг. Мне надоело. По дороге сюда я все думал о смысле того, что делаю.

– И? – осторожно поинтересовался коротышка.

– Получается, смысла нет. Что рейтинг? Он сделает меня счастливым? Нет. Показать, насколько я хорош, я могу и на турнире, если мне до смерти захочется помахать мечом. – Взгляд принца, до того подернутый туманом хандры, на время прояснился. – Раньше я не брал денег за свои услуги, я странствовал, не зная, где застанет меня следующая ночь и что новенького встретится за очередным поворотом... Ты понимаешь, Карамболь? Теперь же я сижу в духоте, зеваю и почесываюсь в ожидании, когда несчастные родственники жертвы принесут мне толстый кошель. И тогда я, продавший идеалы за звонкую монету, оторву задницу от стула и поеду спасать девицу. Об этом ли я мечтал с детства? Нет, Карамболь.

Гном покачал головой:

– Вы не правы, ваше высочество.

– Ага, как же...

– Люди не доверяют дилетантам, – продолжал агент, – и в этом жестокая истина нашего времени. Почему, скажите, отец принцессы, украденной злым колдуном, должен вручать судьбу своего дитя в руки проходимцу? То, что у него героическая внешность с квадратной челюстью и кокетливая челка, ничего не значит. Всем нужны гарантии. Вот вы покупаете сапоги в лавке. Вас интересует качество товара, верно? Верно. Сапоги должны быть удобны, прочны, легки, красивы на ваш вкус. И вы выберете те, что изготовлены зарекомендовавшим себя мастером, и согласны заплатить чуть сверху. При этом вы знаете, куда и кому направлять претензии, если таковые возникнут. – Карамболь подбоченился. – И это сапоги, мой принц, всего лишь. А в нашем случае? Сапог может прохудиться или у него отпадет подошва, ну а если герой, работающий даром, да если он проходимец без репутации, кто поручится, что он сделает дело как положено? Ведь на кону человеческая жизнь, смею напомнить. Отец похищенной принцессы должен быть твердо уверен, что спаситель его дочери не только компетентен в вопросах героизма, но и не позволит себе ничего неподобающего... Вы понимаете, о чем я. В героическом деле гарантии тем более важны, в сто раз более важны, чем при покупке сапог или оловянных мисок.

Принц скривил губы:

– То сапоги, а то девушки...

– Так я и пытаюсь вам объяснить. Сапог, изготовленный неумехой, вы выбросите в канаву, а что делать с испорченной принцессой, если у героя оказались кривые руки и дурные намерения? Сколько было случаев, когда очередной рыцарь заваливал дело?

Кай фыркнул. Конечно, он знал.

– Герой, если он настоящий, дорожит своей репутацией, он добивается известности и стремится превзойти других лишь с одной целью, – важно изрек Карамболь.

– Это с какой же?

– С целью повышения качества подвигов. Он несет ответственность за то, что делает. Родители попавшей в беду принцессы, если вы беретесь за дело, уверены, что она вернется домой целой и невредимой.

– Ладно, хорошо, – сказал рыцарь, – я тебя понял. Но ведь можно все то же самое делать бесплатно.

– Можно. Но такова психология заказчика. Вы берете деньги с богатых клиентов... и что дальше?

– Трачу их на благотворительность.

Гном хлопнул в ладоши:

– Вот именно! Конечно, часть средств идет на оплату моих услуг, часть на содержание хозяйства и оплату ренты, но не в том суть. Ваши родители, при всех богатствах Керузии, вряд ли одобрили бы идею, что деньги из их казны вы тратите на бедняков. А так, получая гонорар, вы имеете возможность помогать нуждающимся. Это укрепляет вашу репутацию и любовь народов в Трехстах королевствах. Смею вас уверить, ваше высочество, благотворительность тоже своего рода подвиг. У меня, который занимается вашей бухгалтерией, сердце кровью обливается, когда я перечисляю гульденy в фонды помощи оборванцам. Сам я на такое не способен, ибо... я не герой.

Кай сидел с кислой миной.

– Ну сколько я могу для вас складывать два и два? – рассердился агент. – Вы и сейчас скажете, что я не прав?

Принц снова поглядел на улицу.

– Наверное, мне просто нужен отпуск, – пробормотал он. – Я не помню, когда в последний раз был предоставлен сам себе.

Карамболь почесал нос:

– Это мысль. Наверное, вам стоило бы отправиться в Керузию, навестить короля и королеву. Когда вы в последний раз были дома?

– Не хочу в Керузию. Мать начнет зудеть, что мне пора жениться. У нее стопка портретов красавиц куда больше, чем та, что ты приволок, Карамболь.

– Герою нельзя жениться! Это правило! Сделав это, рыцарь вычеркивается из списка.

– Знаю. – Кай потер лицо. – Ну почему я принц? У всех нормальных людей жизнь как жизнь, а у меня? Мне даже роман с понравившейся девушкой не завести, не пригласить на свидание, не поворковать в тенистой беседке в дальней части заросшего сада.

– Репутация, – сказал гном. – Отвага, целомудрие, скромность – три кита, на которых она зиждется.

– Угу.

Кай не спорил. Правила, конечно, хороши, но иной раз нет ничего более мучительного, чем следовать им. Особенно если ты молод, твоя кровь бурлит, а твоя работа – спасать трепетных, чрезвычайно привлекательных созданий. Призвание героя требует не только мастерского владения оружием и манерами, но и стальных нервов. Сколько раз Кай вызволял принцесс с алтарей, где их собирались принести в жертву, сколько раз вытаскивал из объятий злодеев, у которых на уме только одно... Принц предпочитал не вспоминать об этом, чтобы не портить себе настроение. Как правило, в такой ситуации девицы были, мягко говоря, одеты неподобающе. Они были обнажены и так соблазнительны и разогреты сильными эмоциями, что надо быть воистину святым, чтобы ограничиться галантным предложением завернуться в плащ и не более того... Гном прав, такое по плечу настоящим профессионалам, рыцарям высшего качества.

Правда, иные принцессы, герцогини или баронессы оказывались на поверку не столь целомудренными и желали отблагодарить Кая абсолютно недвусмысленным образом. И здесь от него требовалась куда большая выдержка, чтобы не поддаваться соблазну, а он был велик, просто неописуемо велик...

Что делать бедному герою в такой ситуации? Так и помереть недолго.

Кай с неясной надеждой размышлял о своей идее насчет отпуска. Имеет он, в конце концов, право на отдых или нет? Можно было бы поехать (разумеется, инкогнито) по своим секретным местам и навестить старых зазнобушек, девиц не благородных, но чрезвычайно приветливых, умеющих ценить тайную дружбу с неким знатным господином не меньше денежек, которыми он одаривает их.

Бедный Карамболь даже не подозревал, какова секретная, скрытая даже от его пытливого взора сторона жизни Кая. В ней он мог позволить себе то, о чем не мог и помыслить, оставаясь Рыцарем Льва, пятым по счету героем в Большом Рейтинге Героев.

– Вы не передумаете насчет принцесс? – без особой надежды поинтересовался Карамболь.

– А? Нет, дружище, не передумаю... – ответил Кай. – Если честно, меня от них тошнит. Дай мне спасти какую-нибудь трудолюбивую крестьянку...

– Вы знаете, что это невозможно. В этом месяце вы уже исчерпали лимит благотворительных спасений, – ответил гном, вынув свою записную книжку. – Кстати, жители деревушки Верхние Коленки шлют вам большой привет.

– Ага.

Кай помнил, что работенка-то была, в общем, плевая: извести стаю злых козлоногов, которые вытапывали кукурузные посевы. С ними могли бы вполне справиться и сами крестьяне, стоило только вооружиться вилами и косами да дубинками потяжелее. И все же, сделав доброе дело бесплатно (как в Старые Деньки), Рыцарь Льва чувствовал громадное удовлетворение.

– Что ж, – сказал Карамболь, аккуратно складывая портреты принцесс в стопочку. Их предстояло вернуть безутешным родственникам. – Поезжайте в отпуск. Думаю, недельки вам хватит. Я подготовлю для «Героических вестей» пресс-релиз. – Гном повернулся, уставившись на принца. – Ваше высочество?..

Кай не отвечал, потому что его внимание отвлекло что-то на улице.

Это что-то было не выше ста шестидесяти, каштанововолосое, с большими серыми глазами, полными испуга и надежды. Оно куталось в плащ, шарахаясь от чересчур энергичных прохожих, и напоминало трепетную лань, угодившую неожиданно для себя в темный лес, полный волков. Принц увидел этот чуть вздернутый носик и румяные щеки, и его сердце сделало попытку соскочить с положенного места. А после того, как взгляд Рыцаря Льва остановился на ее губах-вишенках, у героя и вовсе произошел инфаркт. Так, по крайней мере, самому ему показалось.

Карамболь поджал губы, подошел к подоконнику и выглянул из окна:

– Полагаю, вы увидели летающую корову, принц.

Кай молчал, впад в оцепенение.

Это был не сон, не мираж.

Она действительно стояла там, ожидая, что кто-нибудь поможет ей, прижмет к себе, шепнет на ушко что-нибудь успокоительное...

– Нет, летающей коровы нет, – констатировал Карамболь, к прискорбию Кая, не способный воспринимать красоту.

– Она...

– Что?

– Она, – повторил Кай. – Самая прекрасная дева из всех...

Карамболь опять уставился в окно, пытаясь разглядеть в движущейся толпе означенное чудо.

– Ничего не...

Гном закончить не успел. Кай, сбросив ступор, вылетел из кресла, точно снаряд из катапульты, и помчался на улицу.

Едва не вынеся на себе дверь вместе с косяком, принц очутился на крыльце. На миг он потерял девушку в толпе, но она была на месте. Кай возмутился. Как смеют эти мужланы толкать ее и относиться к бедняжке с таким пренебрежением! Негодяи! Рука Рыцаря Льва потянулась к поясу, но меча там не было. И хорошо: в ту минуту принц мог бы наделать глупостей.

И все же он решил не медлить и храбро бросился вперед, намереваясь вырвать прекрасную деву из толпы, где ее уже готовились затоптать громилы-тролли, которые группой в дюжину голов шли на обед.

Кай оказался возле девушки и, подхватив ее за локоть, быстро убрал с траектории тролльского движения. Она ахнула в испуге, побледнела и... Рефлексы у Кая были превосходными, к тому же привычка подхватывать (изящно) падающих в обморок красавиц отработывалась годами.

Принц не дал ей упасть. В тот же миг к ним подскочил Карамболь, ловко пролавирировав в толпе верзил:

– Что случилось? Кто она?

– Не знаю, – ответил Кай. – Надо оказать ей помощь.

– Какую? – мгновенно поглупел агент, бросая взгляды по сторонам.

– Девушка без чувств, а тебя интересуют детали? – разозлился Рыцарь Льва. – А ну – в дом!

– Что вы, ваше вы... – Гнома толкнули, он сбился с мысли и некоторое время был занят тем, что пробирался обратно к крыльцу.

Зато принцу толпы зевак нисколько не мешали. Он подхватил девушку на руки и легким быстрым шагом достиг двери. Гном не отставал.

– Вы не можете! Ваша репутация! Вас тут все знают, и если увидят, что вы таскаете бесчувственных девиц к себе на квартиру, может быть скандал! В толпе могут быть репортеры.

– Наплевать! – бросил Кай через плечо.

– Вот опять это слово! Где вы его подцепили, ваше высочество? – воскликнул гном отчаянно.

Ему ничего не оставалось, кроме как проследовать за рыцарем в дом. Прежде чем закрыть дверь, Карамболь внимательно оглядел улицу на предмет слишком любопытных субъектов, проявляющих к происшествию нездоровый интерес. Таковых в Таратае было много. Те же репортеры местных газет – пронырливые типы, при одном взгляде на которых Карамболя кидало в дрожь. Не было места, куда они не готовы заглянуть в поисках пикантных подробностей, из которых можно потом состряпать сенсацию. Бульварная пресса. В отличие от солидной, себя уважающей, для нее не существовало рамок приличий.

По счастью, скользких типов поблизости не было. Улицу Героев заполняли в основном приезжие, не знакомые с принцем и по большей части никогда не слышавшие, что это за улица такая и чем она отличается от других.

Считая, что сегодня Каю дьявольски повезло, Карамболь закрыл входную дверь и опустил засов. Все еще уверенный, что принц совершает большую ошибку, гном помчался в гостиную. Девушка сидела в кресле, по-прежнему без сознания, а рыцарь стоял над ней и держал руку на ее шее.

– Что вы делаете? – у гнома глаза полезли на лоб.

– Пульс проверяю, – ответил Кай деловито, затем, по мнению агента, сделал неслыханное – отогнул большим пальцем одно веко незнакомки, потом другое. И сказал: — Угу.

Что это «угу» означало, Карамболь не понял. Его взгляд метнулся в сторону незапертого окна, а следом за взглядом в том же направлении метнулся и сам коротышка.

– Вы сошли с ума! А если кто увидит? Что вы делаете? – Карамболь выпалил это, побагровев до свекольного оттенка.

Герой бросил на него холодный взгляд:

– Я пытаюсь определить ее состояние. Это часть реанимационных мероприятий. Надо решить, нужны ли какие-нибудь дальнейшие манипуляции.

– Что? – во рту у гнома пересохло при мысли, что принц задумал расшнуровать корсет незнакомки.

– Как всякий профессиональный рыцарь, я владею приемами оказания первой помощи, – пояснил Кай. – В зависимости от тяжести...

Карамболь встряхнулся, точно воробей в луже:

– Это я понял, принц, понял! Но не лучше ли немедленно позвать медика?

– Нет. С ней все в порядке, – с некоторой долей разочарования в голосе произнес герой. – Это простой обморок. Бедняжка слегка обезвожена, очевидно, устала и голодна.

– Из-за чего?

– Не знаю. Подождем, пока очнется. Однако, уверен, с ней приключилась большая беда. Поверь профессионалу, Карамболь.

Агент скорчил гримасу и подошел ближе к креслу. Незнакомка даже на его, гномский, взгляд была красива. Точеные черты лица, сохраняющего трогательную детскую пухлость, матовая кожа, длинные загнутые ресницы. Таковую девицу только на портрет. Карамболь мысленно сравнил ее с теми, кого изображали лежащие в стопке шедевры (на всякий случай), но сходства не заметил.

Принцесса? Герцогиня? Графиня? Может, княжеского рода?

Эти вопросы тянули за собой воз других. Например, почему бедняжка одна, без сопровождения, почему ее платье хотя и не дешевка, но явно ношеное, даже залатанное, словно у какой-нибудь дочки трактирщика? Или: почему она столь удачно стояла как раз напротив окна, перед которым изволили хандрить его высочество?

Натура делового гнома брала свое. Карамболь попытался взглянуть на ситуацию ясным взором.

– Что теперь? – спросил он у Кая.

– Когда она придет в себя, я расспрошу ее, – пожал плечами принц, не сводя с красавицы глаз.

– И она попросит вас помочь ей, – сказал агент.

– Попросят. И я помогу.

– Не торопитесь, ваше высочество, – предупредил коротышка. – Я понимаю, профессиональный долг требует от вас вытаскивать из беды любых бедовых девиц, но не бросайтесь в омут с головой.

– О чем ты? Я и не собираюсь!

– Собираетесь, ваше величество, именно собираетесь. Я вас хорошо знаю, поэтому делаю однозначный вывод.

– Какой?

– Вы намерены совершить глупость.

– Спасение прекрасной девы – глупость?

– В определенных обстоятельствах – да, – ответил гном.

– Поясни.

– Знаете, как говорят, ваше высочество: не зная брода, не лезь в воду.

Кай Рыцарь Льва задрал нос к потолку. О своем благородном происхождении он вспоминал часто совсем не тогда, когда нужно.

– Может быть, она не нуждается в спасении, – предположил Карамболь.

– Не верю.

– Ваше право. Просто будьте осторожны.

Кай с сомнением поглядел на гнома и с еще большим сомнением на незнакомку.

– Что в ней может быть плохого? – спросил он.

– Не знаю. Просто нутром чую, все это неспроста...

– Брось, Карамболь. Сейчас она придет в себя, и мы все выясним. О! Приходит!

Девушка пошевелила головой, несколько раз моргнула, издала тихий стон и, подняв руку, приложила ее ко лбу. Принц и агент ждали. Первый со все возрастающим восторгом, второй – со все возрастающим недоверием. Незнакомка издала второй стон, отчетливее и мелодичнее первого. На этот раз она открыла глаза и первое, что увидела, это был Кай. Принц стоял напротив кресла в одной из героических поз: ноги расставлены, грудь выпячена, руки на поясе. Не хватало ветра, который бы развеивал его длинные волосы.

– Приветствую, прекрасная дева!

Гном сокрушенно покачал головой. Хандра хандрой, а молодость и гормоны – это куда сильнее. Депрессию наследника керузийского престола как рукой сняло, и теперь он сиял, словно начищенный медный таз, посылая во все стороны лучи добра.

Незнакомка уставилась на принца с испугом и слегка сжалась в кресле. Это сияние ее определенно напугало.

– Кто вы?

– Я? Я – Кай Рыцарь Льва, – несколько обескураженно отозвался тот. – Вы не знаете меня?

– Вас... Ох... – Девушка закрыла лицо ладонями и посидела так несколько мгновений. Затем опустила руки. – Нет, я вас, разумеется, знаю. Но как я здесь оказалась? Последнее, что я помню, это улица.

– С вами случился обморок, – мрачно сообщил гном.

– Да... я устала, была в дороге долго... потом...

Принц опустился на одно колено перед креслом.

– Вы можете целиком на меня положиться, – сказал он истинно рыцарским голосом, какой часто воздействовал на ошеломленных и испуганных девиц не хуже настойки пустырника. – Расскажите все. Я вам помогу. Клянусь!

Карамболь, конечно, ждал такого поворота, но все равно издал звук, похожий на вопль полужадушенной утки.

Принц даже не посмотрел на него. Разумеется, разглядывать изящный носик незнакомки было гораздо приятнее, чем шнобель агента.

– Ладно, я расскажу. Только сохраните в тайне мою историю, – сказала девушка.

– Всенепременно, – уверил ее Кай Рыцарь Льва.

Глава 4

Вероятно, не стоит описывать путешествие беглой принцессы по минутам – это займет слишком много времени, но имеет смысл осветить некоторые важные вехи, пройдя которые Эмма Шеридонская наконец оказалась в Таратае. Да-да, том самом, городе городов... но, как говорится, не будем предвосхищать события...

На своем верном Буцефале принцесса проехала несколько миль по неизведанной земле и сделала стоянку в рощице. Конек был рад возможности пощипать травку и подремать под луной. Он до сих пор не понимал, что происходит, но нрава был не бунтарского, поэтому мирился. Принцесса разложила свой умещавшийся в одной седельной сумке багаж на земле и развела костер. Ее глаза слипались, голова шла кругом. В животе вдобавок грозно урчало. И когда это Эмма успела так проголодаться?

Впрочем, ужин не входил в число первостепенных задач. Принцесса положила на траву одежду, которую вынесла из кладовой, и с сомнением осмотрела. Сейчас эта затея казалась ей не такой удачной, как днем. В свете луны и костра вещи принимали другой облик, и это сбивало принцессу с толку.

– Ничего, – сказала она себе, понимая, что поступает глупо. – Этот наряд временный, пока я не обзаведусь чем-то приличнее. Таков был план.

Оглядевшись по сторонам и найдя вокруг только кустарник, обступивший полянку, Эмма сбросила с себя платье и стала натягивать такое непривычное одеяние. Промучилась, наверное, минут десять, пытаюсь освоиться. В итоге почувствовала себя круглой дурой, которая даже в зеркало посмотреться не может, чтобы увидеть всю себя. Сейчас бы пригодилось то большое, стоявшее в спальне. Пришлось воспользоваться маленьким зеркалом, но Эмма не влезала в него целиком. Крутятся и вертятся, принцесса сделала все, чтобы составить о своем внешнем виде самое полное представление. Несмотря ни на что, получилось неплохо.

Наблюдавший за представлением Буцефал даже на время перестал жевать. Он смотрел на хозяйку, что-то бормочущую себе под нос, на хозяйку, которая кругами прогуливалась по полянке, сунув руки в карманы штанов, на хозяйку, которая заговорила вдруг не своим голосом, на хозяйку, плюющуюся сквозь зубы и сморкающуюся одной ноздрей... Конек впал в ступор. Вроде бы перед ним была все та же принцесса, а вроде и нет. И чем больше проходило времени, тем перемены в хозяйке становились заметнее. Буцефал видел, как Эмма словно разговаривала с кем-то, и тон ее речи не соответствовал принцессиному. Похоже мог говорить младший конюх, которого конек видел часто. Но ведь Эмма не младший конюх и вообще... Иными словами, Буцефалу не хватало слов, чтобы описать происходящее, что и неудивительно. Человек бы, разумеется, покрутил пальцем у виска, подумав, что принцесса рехнулась, если изображает из себя молодого человека, но конек этого сделать не мог ввиду отсутствия пальцев. Зато когда Эмма подошла к нему вплотную, он отреагировал правильно и испуганно шарахнулся.

– Перестань, Буцефал, – сказала Эмма, вернув себе прежний голос. – Это по-прежнему я, но с этого момента мне придется играть роль. Теперь я – странствующий студент. Если кто спросит, конечно. До времени. Ты понял? – Эмма поправила криво сидящий на голове берет. – Так нужно. Нас ждут большие героические дела. В будущем я стану... только никому не говори... доблестным рыцарем и впишу свое имя в хроники, достигнув вершин рейтинга... Правда, имя я еще не придумала. Надо что-то звучное, запоминающееся. Но это потом – сначала нужно освоиться во внешнем мире, понаблюдать за тем, кто как живет, узнать последние новости. Ты понял? – Эмма погладила Буцефала по щеке. Тот немного успокоился. – Мы поедем на запад, в какой-нибудь большой город.

Принцесса отошла, села возле костра, ковыряясь в нем палкой. Есть уже не хотелось. Эмму одолели мрачные ночные думы. Зачем она сбежала? Для чего? Неужели всерьез думает, что можно выдать себя за рыцаря и всю жизнь скрывать правду?

Королева, наверное, права. Ее участь – быть женой прыщавого грязного тупицы, более ничего.

Эмма зло ударила палкой по углям, те брызнули искрами.

– Не вернусь. Хоть вы все со злости лопните!

Ночной лес не ответил, так же шумя листвой. Редкие голоса ночных птиц продолжали выводить свои песни.

В конце концов Эмме пришлось подкрепиться холодным мясом, сыром, хлебом и вином из фляжки. На сытый желудок мрачные мысли приходили гораздо реже да и сон навалился почти сразу. Свернувшись калачиком возле костра, принцесса уснула, впервые за семнадцать лет вне стен родного дворца.

Утро показалось ей прекрасным, полным света и радости. С таким настроением отправляться в путь было куда веселее. Буцефал вполне разделял мнение хозяйки, поэтому помчался на запад резво, не забывая помахивать хвостом.

Собственно, с этого момента и началось настоящее путешествие Эммы Шеридонской.

Беглянка не спешила, ее больше заботило, хорошо ли она справляется с поставленной ролью. Окружающие должны были видеть в ней мужчину, и Эмма тщательно следила за тем, чтобы случайно не выдать себя. Она даже имя себе взяла новое: Седрик. Так звали героя одной из книг, что стояли на полке в ее шкафу.

Эмма ехала на запад, сворачивая с одной дороги на другую, но придерживаясь в целом одного направления. Княжества и крошечные королевства, не больше Шеридонии, были разбросаны по равнинам тут и там. Тучные поля сменялись дереушками и городишками, где жил разный люд. От наплыва впечатлений принцесса иногда теряла голову. Подумать только, ведь за границами Шеридонии скрывался такой мир! Огромный разнообразный мир! И одно дело читать про него в книжках, другое – видеть своими глазами, нюхать его, шупать его. А королева? Она хотела, чтобы ее единственная дочь пошла в рабыни ради какого-то там дурацкого престижа и загубила свою жизнь в четырех стенах.

Ужас!

С каждой оставленной позади милей Эмма убеждалась в правильности своего решения.

Она была свободной!

Ничего больше не имело значения.

Короче, спустя пять дней, преодолев немалый путь, получив уйму впечатлений и освоившись с новой ролью, Эмма прибыла в город Фарбург. Так называлась столица королевства Корпония, не большого и не маленького. Не размер, впрочем, делал Корпонию местом скучным, а сильный налет провинциальности, который Эмма определила с ходу. Шеридония по этой части, казалось, могла дать всем другим странам сто очков вперед, но Корпония победила и ее. Фарбург оказался сильно разросшейся крепостью с узкими вонючими улочками, источающими запах помоев и испражнений. Повсюду была сутолока, ошивались или сидели прямо на мостовой какие-то уродливые оборванцы. Они тянули к принцессе руки, требуя дать им монету или две, и смрад, исходящий от них, выворачивал бедняжку наизнанку.

Так неожиданно для себя беглая принцесса столкнулась с неприятной стороной жизни. В ней царили нищета и безобразие, преступность и социальная несправедливость, которую, очевидно, не исправить никаким рыцарским подвигом. Уже через десять минут, едва не сойдя с ума при виде местных чудес, Эмма хотела бежать из города, но время шло к вечеру и надо было устраиваться до утра. Принцесса нашла гостиницу почище, почти в самом центре Фарбурга и заплатила за нее деньгами, взятыми из дому.

Это была ее первая ночь, проведенная в подобном заведении, за всю жизнь. Эмма не могла уснуть. Под окнами кто-то до самого утра орал дурными голосами, и было неясно, то ли это пьянчуги, то ли вставшие из могил мертвецы, которым не терпелось испортить сон именно принцессе. Вдобавок к этому в окно колотились громадные мохнатые мотыльки, а под дверь что-то скреблось, и Эмма очень надеялась, что там кошка, а не что-нибудь страшное. Впечатления от Фарбурга остались у беглянки на всю жизнь. До утра она пролежала на кровати, натянув одеяло до подбородка и вздрагивая от каждого звука. Рассвет застал ее изможденной, с тяжелой головой, одуревшей от духоты, клоповой вони и недосыпа. Тем не менее принцесса нашла в себе силы вскочить, подхватить багаж и задать стрекача. Не позавтракав (о еде в такой обстановке думать мог только самый отъявленный негодяй), Эмма вбежала в конюшню, сама оседлала Буцефала. Конек не возражал, ибо его тайной мечтой вот уже несколько часов было снова очутиться на свежем воздухе и увидеть под ногами зеленую травку. Вскоре им обоим представилась такая возможность. Как только открылись ворота, Эмма помчалась в туманную даль и перевела дух, только когда стены Фарбурга безнадежно потерялись из вида.

– Жизнь состоит не из одних только радостей и красоты, – сказала принцесса Буцефалу. Они снова двигались на запад. – Нет, я, конечно, это знала, но не думала, что где-то есть такое. В книгах про грязь и фекалии ничего не написано, можешь мне поверить.

Прочие города и городки Корпонию тоже не впечатлили Эмму. Пару раз она останавливалась на сельских постоялых дворах, где было куда больше порядка и чистоты.

Впрочем, новая жизнь беглянки понемногу входила в колею. Эмма привыкла, постепенно ее перестали шокировать, во всяком случае открыто, некоторые вещи. Всякий раз она принималась думать, как бы поступил на ее месте тот или иной рыцарь, но это было трудно. Литература была слишком оторвана от действительности, чтобы давать ответы. Эмме приходилось решать самой. Быть может, потом, когда она станет рыцарем, истории о подвигах станут гораздо полезнее в качестве инструкций.

На границе Корпонию, где она одним боком соприкасалась с Ольвезией, Эмме даже удалось совершить нечто вроде подвига. Проезжая по старому мосту, переброшенному через лесную речку, она встретила мельника, чья повозка угодила задним левым колесом в дыру между бревнами. Вытащить повозку толстяк не мог, да и у лошади не хватало для этого сил. Увидев подъезжающего «благородного господина», как бедолага сразу окрестил Эмму, мельник кинулся под копыта Буцефала. Тот едва от страха не сиганул вместе с наездницей прямо в реку. Эмма успокоила животное, после чего взялась за успокаивание мельника. Из его бессвязного бормотания мало что можно было понять, но Эмма и так все видела. Спешившись, она подошла к повозке. На ней громадной пирамидой, перевязанной веревками для крепости, высилась гора мешков с мукой.

– Я помогу... – сказала Эмма, то есть Седрик, весьма щуплый на вид странствующий студиозус. – Но придется поднатужиться.

– Ага, – сказал мельник.

– Так, вы беритесь с той стороны.

– Я пробовал, господин, не получается.

– Но вместе лучше, да? – Седрик улыбнулся, тут же став серьезным. Сдвинул брови, сплюнул под ноги, чтобы развеять сомнения, если таковые были, в своей мужественности.

– Скоро сюда придут разбойники, – сказал толстяк. – Обязательно! На той неделе целый караван ограбили! Горе мне! Надо было ехать в объезд! Проклятый мост! Уж лучше бы тролль под мостом жил.

– Почему лучше? – с удивлением спросила Эмма.

– Тролль бы держал мост в хорошем состоянии, – ответил мельник, не понимая, как можно не знать таких элементарных вещей.

– Но тролли – злые и страшные.

– Кому как. Я больше боюсь разбойников. Троль что? Ему заплатил и ежай себе, а разбойник не только все отберет, но и еще ножичком по горлышку съездит, и поминай как звали. Не знали, благородный господин?

Благородный господин не знал, но не показал вида. Эмма указала толстяку, за какую часть телеги ему лучше взяться.

– На счет три тянем вместе.

– Ага, – кивнул мельник.

Принцесса схватилась за край борта рядом с провалившимся колесом.

– Раз, два, три...

Они потянули. Эмме пришлось сделать вид, что повозка чудовищно, просто невозможно тяжела, хотя это было не так. Больше сил уходило на то, чтобы притвориться. Задняя часть телеги начала подниматься. Мельник пыхтел, обливаясь потом, но его лицо выражало крайнее удивление. Он чувствовал, что груз поддается его усилиям.

– Еще немного, – сказала «через силу» Эмма. – Вот так.

Мельник хрюкнул и устоялся на телегу, стоявшую теперь в нормальном положении. Как все произошло, толстяк почти не помнил. Он заглянул в дыру в мосту, через которую была видна лесная речушка.

– Вы справились, – сказала Эмма, хлопнув мельника по плечу.

– А?

– Вы силач, все сами сделали.

– А?

Чрезвычайно довольная собой, Эмма подмигнула и направилась к Буцефалу. Мельник смотрел ей вслед, пытаясь понять, откуда у него вдруг взялось столько силы. Тщательное исследование своих рук никаких результатов не дало. Когда толстяк поднял голову, странного юноши и след простыл. Был ли он вообще? Мельник резво вскочил на козлы, прикрикнул на задремавшую лошадь. Он все еще опасался разбойников.

Отъехав по лесной дороге примерно на милю, принцесса остановилась и вытащила из сумки карту. Пора было принимать какое-то решение. Невозможно все время ехать бесцельно. Впечатлений ей уже достаточно, и освоилась со своей ролью Эмма вроде неплохо. Никто ни разу за все время не бросил на нее даже косого взгляда, что не могло не радовать. Маскировка работала.

Принцесса разглядывала карту. Лесная дорога извивалась ужом, огибая холмы и распадки, и примерно через пять миль выбегала из чащи, чтобы влиться в большак, протянувшийся с востока на запад. Эмма проследила, где именно заканчивается эта дорога. Оказалось, что в конечном итоге большак соединяется с хорошей мощеной дорогой, самым настоящим трактом.

– Таратай, столица Меспении, – прочитала Эмма надпись. – Меспения... крупнейшее и богатейшее королевство региона, население которого...

Она могла дать полную справку по всем странам Трехсот королевств и знала о Таратае все, спасибо хорошей библиотеке во дворце. Место было подходящим. Всякий путник, стремящийся чего-нибудь достичь, направляется в Таратай. И куда еще податься принцессе, чьи амбиции простираются далеко за пределы установленных за многие века патриархальных порядков?

Убрав карту, Эмма ударила Буцефала пятками. Если они поторопятся, то в городе городов будут завтра к полудню. Конек, привыкший быть все время в дороге и даже немало окрепший от физических упражнений на воздухе, весело помчался по лесной дороге.

Так, спустя совсем непродолжительное время, Эмма Шеридонская и очутилась в Таратае. Город поразил ее пестротой, веселым шумом, богатством убранства, строгостью линий

планировки и даже просто размерами. Вспомнив справку в «Большом географическом справочнике», принцесса поняла, что Таратай по площади превосходит ее родное королевство целиком. Едва ли не каждая крыша, башенка или башня была украшена каким-нибудь цветастым флагом или вымпелом. Самые же большие и красочные развевались над роскошным зданием магистрата и особняками аристократов-богачей. Принцесса с восхищением разглядывала эти полощущиеся на ветру тряпицы, пока у нее перед глазами не заплясали цветные точки.

«С ума сойти можно, – подумалось Эмме. – И я ничего про это не знала. И мои родители о таком даже представления не имеют. Остается их только пожалеть...»

Эмма въехала в восточные ворота Таратая на рассвете, и в ее распоряжении был целый день. Как большинство ошеломленных туристов, принцесса кружила по городу, не переставая восхищаться и удивляться. Воистину Таратай был средоточием чудес со всего света. На его Главном рынке Эмма видела такое, от чего долго не могла прийти в себя. В прямом смысле слова одурев от впечатлений, эмоциональной и интеллектуальной перегрузки, принцесса в конце концов очутилась рядом с улицей Героев, о чем ее извещал красочный щит с надписью. Не замечая сутолоки, криков, песен и того, что тут выдавалось за музыку, Эмма заворуженно разглядывала надпись. Ей советовали взять назад вместе со своим тупоумным животным и не перегораживать дорогу. Лишь когда позади Эммы образовалась приличная пробка и кто-то в отчаянии стал грозиться стражей, принцесса оглянулась и поняла, что причиной шума стала она. Выход был один – ретироваться поскорее, что она и сделала, взяв трусой вниз по улице Героев.

Улица была именно такой, какой описывали ее в журналах. Принцесса помнила иллюстрации, изображающие дома с вывесками, где красовались имена тех или иных рыцарей, и дома оказались такими же, и вывески ничуть не изменились.

– Уйди с дороги, молокосос! – какой-то здоровый всадник на здоровом коне пронесся мимо. Эмма и Буцефал едва успели посторониться, избегая столкновения и логичных неприятностей.

Принцесса нахмурилась. Пожалуй, пора прекратить считать ворон, иначе это может кончиться плохо. Тут большой город, а не чистое поле, где можно не бояться столкнуться с кем-нибудь лбом.

Эмма пристроилась с правой стороны улицы, по которой двигалось большинство народу. Дома с вывесками проплывали перед ней, и принцесса вспоминала все, что ей было известно о том или ином герое. У дверей толпился разный, но, как правило, богато одетый народ. Стояли экипажи, кое-где они образовывали длинную цепь, уходящую, кажется, за горизонт. Представители знатных и даже королевских семейств из дальних краев съезжались в Таратай для переговоров с героями. Именно сейчас под этими кровлями агенты составляли договора на спасение принцесс и освобождение земель, на поиски фамильных реликвий, украденных злыми колдунами, и даже урегулирование спорных пограничных ситуаций – случалось, знаете ли, и такое. Авторитет рыцарей-спасителей был настолько высок, что их слово иной раз было не менее весомо, чем королевское.

Зная обо всем этом в теории, Эмма не имела представления, как же все на самом деле. Суэта, пышность, обилие значительных фигур, вращающихся по орбитам вокруг рыцарей, ее несколько пугали. Неужели если и она станет героем, то будет вынуждена жить так же? Да еще разбогатеет на своем благородном ремесле... Мысль о гонорах Эмме не очень нравилась. Героизм нынче поставлен на коммерческую основу, так хорошо ли это? Разумеется, даже принцу хочется кушать и одеваться, но гонорары, на взгляд Эммы, были запредельными. Они убивали сам дух профессии.

Улицу Героев наводнял народ, и вскоре у принцессы стала болеть голова. Она уже хотела уехать, когда увидела толпу перед одним из домов по левой стороне. Толпа отличалась

от всех прочих, ибо особ королевской крови и знати в ней Эмма не разглядела. В основном тут были молодые люди лет восемнадцати-двадцати, одетые ни богато, ни бедно. Правда, встречались экземпляры достаточно расфуфыренные. Они держались подчеркнуто отстраненно от собратьев по очереди, словно знали что-то, что другим было знать не положено. Шума от массы соискателей неизвестного блага было порядочно.

Ощувив острый укол любопытства, Эмма двинула Буцефала в сторону толпы и только сейчас заметила торчащий на длинном шесте деревянный щит с надписью: «Кай Рыцарь Льва ищет нового оруженосца. Возраст от шестнадцати до двадцати одного. Наличие профессиональных навыков обязательно». Эмма не успела переварить информацию, когда услышала гнусавый голосок:

– В очередь! В очередь! Вертай назад, рыжий!

Она не сразу поняла, что обращаются к ней, а когда посмотрела, увидела внизу прыщавого юнца, размахивающего руками.

– Я просто читал, – ответила Эмма, важно надувшись.

Нельзя было забывать, кто она здесь.

– Хе, грамотей выискался... В конец очереди! – фыркнул прыщавый, провожая ее, точнее Седрика, враждебным взглядом.

Эмма повернула Буцефала и последовала совету прыщавого. Не сразу сообразив, что делает, принцесса спешила, взяла конька под уздцы и заняла место в хвосте очереди.

И тут в ее голове вспыхнуло.

Что она, собственно, делает?

Кай Рыцарь Льва ищет оруженосца, ничего, всякое бывает, оруженосцы не бессмертные... Количество желающих занять вакансию тоже понятно, ведь принц Керузии – один из лучших и самых популярных. Красавчик... Идеал...

Эмма, поднявшись на цыпочки, бросила взгляд на дом с вывеской. Ее сердце отчаянно билось, голова на миг пошла кругом.

Ну разве не сама судьба положила длань ей на плечо? Ведь и она может попробовать – что в конечном итоге теряет?

Принцесса сделала несколько вдохов, чтобы избавиться от комка в горле.

Стать оруженосцем у Кая – это отличный шанс войти в мир рыцарства на законных (ну, почти) основаниях и увидеть жизнь героев в максимальном приближении. Это раз. А там, поднатюпив и набравшись опыта, можно сделать и следующий шаг, мечта станет гораздо ближе, чем сейчас. Это два. Завоевав доверие героя, можно даже, наверное, помогать ему совершать подвиги. Это три...

Такие или почти такие мысли крутились в голове принцессы. И хотя она понимала, что шансы получить место невелики, радость переполняла ее. Эмма уже видела себя в компании с Каем путешествующей по дорогам Трехсот королевств.

Принцессы радужные мечты прервали. Позади нее к массе соискателей пристроилось еще несколько типов. Эти были форменными бродягами, которые определенно страдали от недостатка тяжелого физического труда, что мог бы вымести дурь из их голов. От них несло выпивкой, один размахивал бурдюком с какой-то гадостью, из которого компания из четырех уродов отпивала время от времени и все больше хмелела. Эмма поморщилась, так как вопли били ей в уши. Но это было еще не самое противное. Громогласная четверка рассуждала о девушках, причем в таком ключе, что покраснел бы, наверное, и пьяный сапожник, не то что благородная особа королевских кровей. За пять минут Эмма услышала столько скабрёзностей и пошлостей на тему собственного пола, что ее волосы под беретом поднялись дыбом. Кровь бросилась в лицо, к горлу подкатил ком тошноты. Раньше принцесса не имела представления ни о чем таком и большинство слов просто не поняла, хотя и догадывалась, что они обозначают.

Неужели мужчины такие пошляки? Эмму так и подмывало повернуться и высказать этой компании все, что она думает, но тогда возникли бы вопросы. Принцесса попыталась переместиться чуть дальше, но очередь не позволяла. К счастью, производимый выпивохами шум привлек внимание других, настоящих мужчин, которым быстро надоела поднятая компанией буза. Староста толпы соискателей, стихийно выбранный несколько минут назад для поддержания порядка, появился в конце очереди в сопровождении двух амбалов.

– Заткнитесь! Мы тут все стараемся соблюдать тишину, – сказал он, встав перед выпивохами словно утес. – Мы не хотим, чтобы господин рыцарь, точнее, его высочество, дурно о нас думал.

Компания радостно завопила. Один идиот взмахнул бурдюком, часть выпивки выплеснулась Эмме на плащ. Впрочем, попало и на других. Очередь потеряла свою структуру, будущие оруженосцы принялись закатывать рукава.

Принцесса осознала, что пахнет мордобоем, спешно натянула берет на самые брови и переместилась в сторону вместе с нервничающим Буцефалом. В отличие от других лошадей он не бил копытами о мостовую и не раздувал ноздри, стремясь показать свою крутизну. В этой толчее коньку было неудобно, но бедолага терпел ради хозяйки.

Между тем выпивохы расхрабрились и высказали старосте и его амбалам все, что они о них думают. То, что последовало за этим, оставило в памяти Эммы неизгладимое впечатление. Амбалы бросились на наглецов, через секунду к амбалам присоединилась еще дюжина горячих парней, которым давно не терпелось начистить кому-нибудь физиономию и выпустить пар. Возник комок из воющих тел, звуки ударов и смачная ругань поколебали на миг само основание Таратая. Или шокированной принцессе, не привыкшей ни к чему такому, лишь так показалось. Побоище длилось несколько секунд, сопротивление выпивох сломили быстро, хорошенько отмассировали каждую часть тела кулаками, коленями и мысиками сапог, после чего подняли над головой и торжественно, под улюлюканье и аплодисменты понесли к ближайшей канаве. Туда, в грязь и нечистоты, источавшие благоухание под жарким солнцем, всю компанию и швырнули.

Эмма стиснула зубы, сдерживая приступ тошноты. Она не могла смотреть в сторону канавы, но глаза сами стремились туда. Выпивохы стонали, сыпали проклятиями и грозились отомстить. В ответ раздавался громогласный хохот. Бузотеры кое-как выбрались из канавы, грязные и страшные, как водяные. В них плевались и бросали объедками, давали советы в дорогу, от которых уши Эммы сворачивались в трубочку.

За эти несколько минут она сделала для себя два важных вывода. Первый: мир мужчин куда более груб и жесток, чем ей представлялось. Второй: толпа безжалостна и дика и лучше с ней не спорить и тем более не провоцировать.

Староста призвал всех к тишине. Толпа вернулась к прежнему виду, и Эмме понадобилось время, чтобы немного прийти в себя.

Прошло, наверное, не меньше четырех часов, прежде чем она и Буцефал добрались до крыльца принца Керузии. Принцесса несколько раз порывалась бросить все и уехать, но разум брал верх над эмоциями. Да, неприятно и неудобно находиться в толпе мужланов, изображая из себя такого же мужлана, но что поделать? Никто не говорил, что будет легко, и это, если разобраться, еще цветочки. Если Эмма намерена идти по выбранному пути до конца, ей надо быть готовой и не к такому.

Но намерена ли она?

Успев познакомиться с полудюжиной коллег-соискателей и наплетя про себя кучу небылиц, Эмма вдруг обнаружила, что с нее требуют плату за постой коня.

– За ним присмотрят здесь, друг, пока ты будешь внутри, – объяснил староста. За лошадьми в стороне следили его помощники.

Принцесса заплатила, и в тот же миг из дверей вышел очередной претендент. Плюнув себе под ноги, он с мрачной миной нахлобучил шапку, взвалил на плечо сумку и, никому ничего не говоря, зашагал прочь.

– Не свезло, – прокомментировал староста. – Ну, теперь ты, Седрик.

– А? – от страха у Эммы пересохло во рту.

– Не задерживай, – посоветовали сзади. – Нам надоело здесь торчать.

Принцесса спешно заплатила серебряную монету, передала поводья Буцефала одному из амбалов и прыгнула на крыльцо. Дверь была распахнута, Эмма вошла в дом.

– Следующий! – слышался из гостиной голос. – Не тратьте мое время, молодой человек.

На миг Эмма зажмурилась, потом вздохнула и, выпятив грудь, развязной походкой отправилась навстречу судьбе.

Глава 5

В эти серые глаза нельзя было не влюбиться – и Кай влюбился. Справедливости ради надо отметить, так он делал, увидев любые красивые девичьи глаза. Это стало частью его профессии.

Незнакомка, которую, оказывается, звали Лорена, достаточно пришла в себя после стаканчика освежающего сидра и начала свою печальную повесть.

Принц устроился удобнее в кресле напротив.

– Мое королевство невелико, совсем крошечное. Может, вы слышали о нем? Салазария.

– Нет, – подумав, вежливо улыбнулся Рыцарь Льва. – Но, уверен, это прекрасное место.

Карамболь, занявший стратегическую позицию в углу возле двери, что вела из гостиной в холл, тихо кашлянул.

– И вовсе не прекрасное, – возразила Лорена. – То есть когда-то мы процветали и были вполне довольны жизнью. Но не теперь... Тень зла накрыла Салазарию, и королевство медленно, но верно погибает.

– В чем именно выражается... погибель? – спросил Кай.

– Земля чахнет и перестает плодоносить, народ мрет от болезней, леса наполняются страшными дикими зверями. Зло витает в воздухе. Призраки и ночные демоны рыщут по дорогам королевства, выискивая неосторожных путников.

– Ого, – сказал принц. – А дельце-то и впрямь серьезное.

Лорена кивнула.

– Я – старшая дочь короля Вермунда. Мою мать зовут Изабелла. Так вот, пять лет назад с отцом произошло несчастье: он поехал на охоту, но конь его взбесился и понес. Отец пытался прыгнуть, но неудачно. В результате падения король повредил шею и скончался спустя четыре дня невероятных мучений... – Принцесса подпустила слезу, скромно утирая ее платочком. Этого было достаточно, чтобы Кай немедленно возжелал воздать той паршивой скотине (коню) по заслугам. – Три года я и мама были в трауре. Казалось, наша жизнь, а равно и жизнь Салазарии закончилась. Более того, наши подданные, которые очень любили папу, скорбели вместе с нами и не снимали черных одежд.

– Соболезную, – сказал принц.

Гном ничего не сказал, сидя с каменным лицом.

– И вот, однажды при дворе появляется путник из далекой земли. Представился герцогом, путешествующим по миру в поисках чудес. Очаровал маму, наплел ей всяких глупостей... Нельзя сказать, что он был нагл и груб, наоборот, галантен сверх меры...

Кай слушал.

– И вот – продолжила Лорена, – мы с сестрой в один прекрасный день узнаем...

– Постойте, сестры не было, – возразил Карамболь.

Принцесса вытаращилась на него, словно только что заметила:

– Как это не было? Что вы такое говорите? Далия, моя младшая сестра, красавица, каких свет не видывал...

– Я имел в виду, ваше высочество, что вы забыли про нее упомянуть.

– Да, видимо, забыла, – согласилась гостя. – Но это немудрено после перенесенных мною потрясений. Так вот. В один прекрасный день мы с сестрой узнаем, что мама, вдовствующая королева, собирается за этого бродячего герцога замуж. Что он будет нашим отчимом, а заодно и принцем-консортом при нашей матери! Можете себе представить?!

Кай кивнул. Он мог.

– И как вы думаете, принц, нас с Далией стал кто-нибудь слушать? Я имею в виду наши возражения... Никто! Нас поставили перед фактом. Дескать, вот ваш новый папочка и король! – Лорена фыркнула. – Большой низости и вообразить нельзя.

– Но ваша матушка еще молода. – Гном скорее утверждал, чем спрашивал.

– Да. Но это не повод...

– Разве королева не имеет право на счастье? – перебил Лорену дотошный Карамболь. – Три года она носила траур. По-моему, достаточно.

– Вам-то откуда знать? – подскочила принцесса. – Что вы лезете?

– Меня интересует только истина, – заметил агент.

– Он хочет сказать, что почему бы вашей матушке не выйти замуж за хорошего человека, – сказал Кай. – И, по-моему, это здравая мысль. Не вижу проблемы.

Лорена сжала кулачки, слезы моментально высохли на ее серых очах:

– А я вижу! Дайте мне договорить и не давайте глупых советов!

Рыцарь Льва переглянулся с гномом.

– Продолжайте, прошу.

– Мы с Далией заявили, что категорически возражаем против Гийома, а матушка расмеялась нам в лицо. С той поры, как этот проходимец завлек ее в ловушку, она совершенно изменилась. Королева сама не своя, уж поверьте.

– Этот Гийом ее терроризирует? – спросил Кай. – Угрожает?

– Нет. Во всяком случае, ничего этого не происходит на глазах у публики. Наоборот, воркуют как два голубка, никого не стесняются. Смотреть тошно!

– Кажется, это называется любовь, – сказал Кай.

– Не говорите глупостей, принц, – возразила девица. – Гийом чистой воды проходимец, никакой он не знатный, он просто проклятый мошенник, которому нужны наши деньги. И, кажется, он уже победил. Я здесь только благодаря удаче.

– Так переходите к главному, – произнес гном с явным нетерпением.

– О своей свадьбе королева объявила две недели назад, в торжественной официальной обстановке. Присутствовали придворные, наша местная аристократия, гости из-за границы. Гийом был представлен по всей форме, чтобы ни у кого ни в чем не осталось сомнений. Разумеется, его талант очаровывать всех вокруг сыграл свою роль и здесь. Он сразу стал всеобщим любимцем. Мы с сестрой ничего не могли сделать. Все способы повлиять на мать мы испробовали. Она стала для нас чужой. – Лорена устремила полный праведного гнева взгляд в окно и добавила: – Это и было началом конца...

– Мне кажется, вы излишне драматизируете, ваше высочество, – заметил Кай, оторвавшись от созерцания ее красивой шеи. Она (шея) могла бы стать украшением любого из Трехсот королевств. – Что, собственно, страшного случилось? Ваша мать обрела свое счастье. Вы чувствуете, что память об отце предана, вы обделены, вы ревнуете к вашему будущему отчиму. Все просто. Дело в психологии.

Лорена окинула Кая царственным взглядом:

– Не думайте, что если я красивая, то я дура.

– Что вы, я и не...

– Думали, принц, думали. Особенно преуспел в этом ваш агент, который сверлит меня глазами с того момента, как я начала свой рассказ. Он должен уйти.

– Нет. Правила таковы, что я обязан присутствовать, – заявил Карамболь.

– Так вот, я не дура, – с нажимом произнесла Лорена, и принц отметил, что нервы ее взвинчены куда сильнее, чем он полагал. – Я понимаю, что такое психология. Если бы все ограничилось только нашим с Далией недовольством, мы бы со временем смирились, но все куда серьезнее и страшнее.

Кай превратился в слух.

– Гийом оказался злым чародеем, – сказала девица, и ее глаза снова наполнились слезами. – Настолько злым, насколько возможно.

– Э... он мучает зверушек?

– Да. Он привез в замок несколько ящиков с несчастными созданиями и принялся издеваться над ними.

– Прискорбно, – сказал Карамболь.

– Какие-то странные типы, которых мы никогда раньше не видели, нагрянули поутру с целым караваном. Там было несколько больших, до отказа набитых повозок с добром для злой чародейской лаборатории.

– О! – обронил Кай. – Постойте, мы, кажется, слегка перескочили.

– Извините, принц, я плохо соображаю. Я не сказала, что была свадьба?

– Мы с Карамболом догадались.

– Гийом и моя мать поженились через четыре дня после того торжественного приема. Все было честь по чести, на праздник не пожалели средств, чтобы пустить пыль соседям в глаза. А после... в общем, уже через два дня, когда все гости наконец разъехались, случилось страшное. Гийом собрал всех нас в замковой столовой и объявил, что отныне в Салазарии все меняется. Он становится полноправным хозяином всего и вся. И если кто попытается пикнуть, то горько об этом пожалеет.

– Типично для чернокнижников у власти, – кивнул принц, посмотрев на гнома.

– Ваш седьмой подвиг, – заметил тот и пояснил девице: – Зунсар Белоглазый узурпировал власть в Калингерии. Его коньком было варить из младенцев суп и есть его, мотивируя свой извращенный интерес к подобной кулинарии желанием жить вечно. Правда, прожил он недолго. Кай укоротил негодяя ровно на голову.

Лорена закрыла глаза, но потом восхищение победило, и девица уставилась на героя.

Кай выдержал. Он привык к подобным взглядам.

– Короче, Гийом раскрыл свое истинное лицо. Сорвал маску, показав, что он не так красив, как представлялось окружающим.

– Сорвал? – спросил принц. – Это интересно.

– Ну, он же колдун, – сказала Лорена, – ему ничего не стоит притвориться. И вот мы с Далией стоим, как два столба, и смотрим на это скособоченное горбатое чудовище, ничем не похожее на прежнего приторного франта. Придворные так вообще все разом завопили и бросились бежать. Но Гийом махнул своей волшебной палочкой – и они превратились в мышей. Теперь бедняги обретаются где-то в подвалах замка, пытаются выжить в жестоком мире грызунов.

Кай мрачно потер подбородок. Ситуация, на его взгляд профессионала, была сложной.

– А ваша мать королева?

– Изабелла сидела словно истукан. То ли чернокнижник ее опоил, то ли заколдовал – она совершенно перестала быть собой. Словно кукла. Сидит и смотрит в пустоту. Ничего не говорит, даже не моргает. Ее приводят новые страшные слуги Гийома.

Принцесса промокнула глаза.

– Ясно. Ваша мать во власти зла, – сказал Рыцарь Льва. – Что дальше?

– С того дня жизнь обитателей дворца становилась все хуже и хуже. Гийом начал колдовать в своей лаборатории, он повесил тучи над замком и закрыл солнце, а потом и всю Салазарию накрыл куполом вечных сумерек. Смердный дым из его печей и злые чары начали расползаться от нашего замка по землям Салазарии. Они стали отравлять почву и воздух. Народ мрет и чахнет. Кто еще способен, бежит в дальние края без оглядки. Все наши соседи привели свои войска в состояние боевой готовности. Гийом угрожает и им полным уничтожением, планирует поработить окружающие народы, превратив их в рабов...

– Комплекс Черного Властелина, – прокомментировал гном. – Довольно типично. А ваш замок, очевидно, теперь похож на Логово Тьмы?

– Еще как похож, – тихо всхлипнула Лорена. – Тьма так и лезет теперь из всех щелей.

– Ясно, ясно, – пробормотал герой. – И что же, никто до сих пор не изъявил желание победить зло? Никто не брался?

– Нет.

– Не совсем ясно. Обычно в таких случаях от желающих отбоя нет. Уничтожить Логово Тьмы и Темного Властелина – это засчитывается за три обычных подвига. Какой же рейтинговый рыцарь пройдет мимо?

Принцесса пожала плечами, разглядывая подол своего платья.

– Ладно. Тогда расскажите, как вы очутились здесь?

– Мы с Далией оставались в замке, ибо деваться нам было некуда. Гийом до поры не обращал на нас внимания, а мы старались не попадаться ему и его аколитам на глаза. Но всему приходит конец, верно? И вот мы с сестрой оказались почти единственными, кого Гийом еще не превратил во что-нибудь отвратительное или не употребил для своих жутких опытов.

– Почему?

– Что?

– Он к вам особо благоволил?

– В какой-то степени. Мы узнали страшную правду слишком поздно. Когда я и Далия пришли к нему и потребовали показать нам нашу мать, которую уже несколько дней никто не видел, он рассмеялся. Сказал, что покажет, это нетрудно, и повел нас в одну из комнат замка. Там, среди прочих кошмаров наподобие чучела ехидны, была и королева Изабелла. Чернокнижник превратил ее в цветок и посадил в горшок. Но этот цветок уже был почти завядший, он умирал. Гийом пояснил, что был вынужден пойти на такой шаг, ибо ему требовалась магическая сила. Дескать, поддерживать могучую колдовскую ауру вокруг замка довольно непросто. Поначалу он тянул силу из придворных и слуг, исчезавших день ото дня, а потом в его силки попала и наша мать. Комната стала целой оранжереей мертвых растений. На наших глазах прислужники Гийома бросали в камин те из них, которые окончательно умерли и превратились в сухой гербарий. И эти жуткие аколиты еще смеялись! Словно грифы, приступающие к трапезе! – Принцесса разрыдалась.

Кай бросил взгляд на агента. Карамболь с сомнением поджал губы. Рыцарь сдвинул брови, изумленный тем, насколько сухим и бессердечным может быть этот коротышка.

Принцесса всхлипнула еще сильнее. Кай вскочил и бросился к столику с графином, чтобы налить бедняжке воды. Наблюдавший за этим Карамболь преисполнился еще большим скепсисом. Его подозрительная натура продолжала колотить во все барабаны.

Было что-то в этой девице такое... чего агент объяснить словами пока не мог.

Заглотив стакан воды, Лорена отдышалась.

– Итак, ваша мать... мертва? – спросил Кай.

– Не знаю. Надеюсь, нет. Но самое ужасное, Гийом схватил Далию! Ее он тоже превратил в растение и засунул в горшок... И... теперь она будет источником колдовской силы для этого проклятого злодея... – Лорена высморкалась в платок с таким шумом, что принц подскочил, а у Карамболя отвисла челюсть.

– В тот же вечер я решила на побег. Бросила все, села на лошадь и помчалась куда глаза глядят. Страх гнал меня вперед, я ехала и ехала, день и ночь, пока не поняла, что лошадь вот-вот упадет замертво. Я и сама была на грани смерти... – Лорена гордо подняла голову, кашлянув. – Простите, что дала волю чувствам, господа.

– Ничего, – сказал Кай. На его щеках выступил румянец – первый признак того, что героическая душа, заключенная в этой молодецкой груди, уже рвется совершить очередной подвиг. – Значит, вы направились в Таратай просить помощи?

– Да. Я вспомнила, где можно найти истинных героев. Лошадь, по счастью, выжила. Но у меня ее отобрали два дня назад какие-то разбойники по пути сюда. Забрали также кошелек с жалкими грошами, которые я успела взять с собой, и кое-какие вещи. Пришлось идти пешком и добираться на перекладных. Хорошо, в Меспении нашлись хорошие люди.

– Простите, что прерываю, ваше высочество, – сказал Карамболь. – А эти разбойники ничего с вами... ну, вы понимаете... не позволили себе?..

Лорена сделала большие глаза:

– Что?

– Насильственные действия сексуального характера, – отчеканил агент тоном сборщика налогов.

– О... – Приобретя бордовый оттенок, принцесса уставилась в стену. – Ничего такого.

– Странно, – сказал Карамболь, – обычно они этим самым и занимаются.

– Им было некогда, они спешили по делам.

– Все ясно, не надо больше об этом, – вмешался Кай, даря украдкой гному испепеляющий взгляд. – Подведем итог. Вы сбежали из замка, как только поняли, что чернокнижник захватил вашу сестру.

– Да.

– И вы искали именно меня?

– Нет, но... так получилось.

– Но вам нужен герой. Чтобы освободить Далию и убить злодея, да?

– Нужен. Очень. Наверное, надо было раньше заняться этим, но мы с сестрой все надеялись на лучшее...

– В таких делах нельзя полагаться на авось. Зло такого масштаба само не рассасывается, поверьте.

– Понимаю.

– Как давно Далия в плену Гийома?

– Примерно неделю. Сюда я добиралась шесть дней.

Кай взлохматил волосы.

– Критический срок в подобных ситуациях – неделя.

– Значит, Далия...

– Это еще ничего не значит. Я просто прикидываю.

– Вы поможете?

– Да, конечно. Сама судьба вела вас сюда. Она заставила вас остановиться напротив моего окна и...

Карамболь слез со стула.

– Ваше высочество, мы можем поговорить? В приватной обстановке. – Гном обратился на девицу царственный взгляд: – Простите, но есть вещи, не предназначенные для чужих ушей.

Лорена сжала губы. Теперь густой румянец отхлынул от ее щек.

– Ничего.

Кай, хотя и явно недовольный, был готов.

– Мы скоро.

Вместе с гномом они поднялись на второй этаж и закрылись в спальне.

– Вы думаете, о чем говорите, хоть когда-нибудь? – напустился на героя Карамболь. – Что вы ей обещали?

– А в чем дело? Бедняжка напугана до полусмерти, вся дрожит. Она перенесла столько страданий, ее мать мертва, сестра в смертельной опасности! Я – ее единственная надежда!

– Тише, тише, принц! – выставил перед собой руки агент. – Вовсе не обязательно вопить на весь Таратай.

Принц источал героическое нетерпение. Со стороны могло показаться, его кусали блохи.

– Она мне не нравится. Как хотите, ваше высочество, а ей я не доверяю. Все очень странно. Как ей, к примеру, удалось убежать? У чернокнижника орда прислужников, которые наверняка следили за ней денно и ночью. Нет? Так почему Лорена оказалась здесь?

– Ты придираешься.

– Но не это главное... Главное то, что никто о таком королевстве еще не слышал. Ни о Салазarii, ни о ее короле и королеве, ни об их дочерях. В каких списках и анналах они зафиксированы?

– Триста королевств, Карамболь! – воскликнул Кай. – Триста! И это лишь названия, а на самом деле их куда больше!

– Да, верно, я не могу всего упомянуть, но, сдастся мне, если я загляну в официальные документы, я не найду там ничего... Послушайте, принц, не ведите себя как мальчик, которому не терпится в туалет!

Наследник престола Керузии замер.

– Обычно к нам приезжают официальные лица. Они и договариваются с нами об условиях спасения. Это профессиональные послы, друзья безутешных родственников, сами безутешные родственники, а нередко и королевские особы... да мало ли кто, главное, все они заслуживают доверия!

– Но Лорену некому представлять! Из-за этого ее можно выгнать взащей?

– Для начала, принц, не надо терять голову, – сурово сказал агент.

– Кто теряет? Я?

– Вы, – невозмутимо ответил Карамболь. – Ваши гормоны фонтанируют с того момента, как вы увидели эту особу на улице. Она рассказала вам красивую и ужасную историю, и вы готовы мчаться на край света, нарушив все правила.

– Да какие...

– Нужен контракт, предоплата...

Тут Каю нечего было возразить.

– Мы не можем работать как паршивые дилетанты. Повторяю, лимит ваших благотворительных спасений исчерпан на этот месяц. Мой вам совет – откажитесь. Пускай просит помощи у кого-нибудь другого.

Принц вытаращил глаза:

– Ты можешь быть настолько бессердечным, Карамболь?!

– Я – деловой гном. А еще я забочусь о вас, принц.

– Лорена может расплатиться позже. Когда я убью злодея и освобожу королевство. Далию уже вряд ли, но хотя бы попытаюсь...

– Невозможно. Так не делается.

Принц шумно выдохнул, сжимая кулаки. Под сводами его черепа сверкали молнии и грохотал гром.

– Знаешь, Карамболь, а мне наплевать!

Гном подлетел до потолка:

– Это как, принц?!

– Я сделаю для Лорены все, причем бесплатно!

– Но...

– Я – герой, а не торгаш! С меня хватит!

Принц шагнул к двери, но шустрый Карамболь преградил ему путь:

– Не делайте этого, прошу! Давайте обсудим.

– Я – герой, – повторил Рыцарь Льва. – И грош мне цена, если я не могу помочь человеку, по-настоящему попавшему в беду. Если бы ты знал, как мне осточертело спасать занудных и спесивых дур, которые только и делают, что попадают в разные передраги! Лорена – другая. Не спорь со мной, Карамболь. Я решил!

Гном ударился головой о стенку. Агент всегда боялся, что рано или поздно появится вот такая кроткая овечка и Кай бросится сломя голову помогать ей... А ведь отец Кая предупреждал, что принц способен наломать дров, и просил, умолял приглядывать за ним. И Карамболь приглядывал в меру сил (не бесплатно, разумеется). Но что же делать теперь? Пламень в героических очах принца не оставляет сомнений, что переубедить высокородную дубину не удастся.

Что делать?

Разум гнома уже работал над проблемой.

– Стойте, остыньте, принц, – сказал Карамболь, изо всех сил пытаясь отодвинуть Кая от двери.

Герой отпустил ручку, отступил на шаг и уперся руками в бока:

– Что еще? Я все решил.

– Понимаю, – вздохнул Карамболь. – И не понимаю одновременно... Вы отказались спасти столько принцесс сегодня... А, ладно... Вот что я хотел сказать, ваше высочество. Раз уж так дело пошло, почему бы нам хорошенько не подготовиться к подвигу? Не помчитесь же вы в Салазарию в таком виде.

Кай оглядел себя:

– Твоя правда. Но время не ждет.

– Понимаю. Я отдам распоряжения приготовить Октавия, проверить оружие, собрать необходимую поклажу – все как всегда.

– А я чем буду заниматься?

– Для начала мы определим нашу гостью на постой в одной из лучших гостиниц Таратая. Разумеется, инкогнито.

– Э...

– Мы не можем оставить ее здесь. Иначе уже завтра вся пресса начнет полоскать ваше имя в связи с недостойным поведением, – строго сказал гном. – Предоставьте это мне.

– Чем же займусь я?

– Пока отдыхайте. Кстати, мне надо еще подобрать нового оруженосца.

– Ох, я и забыл... проклятый Мартен удрал, как другие...

– Самый быстрый способ – это дать объявление и объявить собеседование. Времени на большее у нас нет.

– Да, я должен отправиться в путь как можно скорее, – кивнул Кай.

– Положитесь на меня принц, – менторским тоном объявил агент.

Через каких-то пять минут Карамболь уже беседовал с ордой своих племянников, раздавая поручения и медяки в качестве аванса за проделанную работу. Один за другим корытшки вылетали из дома, словно выпущенные из баллисты. Их рвению и скорости передвижения можно было позавидовать – о лучших порученцах гном и мечтать не мог. Шустрая родня сэкономила ему уйму времени и брала за свои труды в разы меньше, чем деятели, что были до нее.

Оставшись один, Карамболь потер ладони.

Что ж, раз принц хочет, пускай спасает эту идиотку, но он будет не он, если в конце, после удачного завершения дела, не сдерет с бедняжки семь шкур в качестве гонорара.

Карамболь отправился в гостиную, где один из его племянников разыгрывал роль официанта. Гномик кружил вокруг кресла Лорены, подавая то одно, то другое блюдо из принесенного разнообразия, разложенного на тарелках. Разнообразие соблазнительно дымилось и распространяло ароматы.

– Приятного аппетита, – сказал агент.

Принцесса, во рту у которой была куриная ножка, кивнула.

Гном улыбнулся. Никто не будет говорить, что он оставил несчастную страдальцу умирать от голода. Этот обед будет включен в будущий счет.

Несмотря ни на что, решил Карамболь, дела идут неплохо.

Однако он и не предполагал, что желающих получить место оруженосца при Кае будет так много. Народу набежала тьма, люди заполнили все пространство перед домом и принялись вопить, словно их режут. Карамболь выскочил на крыльцо и попытался восстановить порядок. Тщетно, его просто никто не слушал. Толпа загородила проезд экипажам, кучера вступили с бродягами в перепалку, и хаос только усилился, грозя перерасти в полномасштабное побоище.

Гном не сдавался. Выдернул из толпы детину покрепче, чело которого не было отмечено полным отсутствием мозгового вещества, и дал ему два золотых с поручением взять помощников и навести порядок.

Новоиспеченный староста, гордый оказанной честью, рьяно взялся за дело. С тремя амбалами он сформировал очередь, открыв проезд через улицу, и всячески пресекал свары. Несколько драк закончились в пользу старосты, смутьянам дали пинка. Относительный мир и порядок позволили наконец приступить непосредственно к делу.

Собеседования начались ровно в полдень.

– Да это же толпа варваров. Они только и умеют, что глотку драть, – сказал, посмотрев в окно, Кай.

– Ничего лучше нет. – Агент расположился за столом и пристроил рядом с собой приготовленные бумаги. Из-за уха у него торчало перо. – Оруженосец нам нужен как воздух.

– Не знаю, не знаю, я вроде справлялся.

– И не забывайте о престиже. Настоящего героя всегда сопровождают оруженосцы.

Кай махнул рукой, дискутировать он не собирался. Мысли его были заняты принцессой, но, увы, даже невинной беседы с Лореной он не мог себе позволить. Не здесь, не сейчас. Под наблюдением Карамболовых племянников бедняжка вселилась в номер хорошей таратайской гостиницы и ждала вызова. Девица не возражала, сказав, что целиком полагается на опыт Кая.

Взглянув еще раз на толпу за окном, принц решил удалиться. Гном вполне мог справиться один.

Его высочество изволили взобраться на второй этаж и упасть на кровать в спальне. Молодецкий сон пришел быстро...

– Запускай первого! – скомандовал Карамболь племяннику, в чью обязанность входило открывать и закрывать дверь.

Вошел первый кандидат. Это был рослый нескладный тип со щербатой улыбкой и в дырявой шапке набекрень. Гном несколько мгновений смотрел на него, усомнившись, что поступил правильно, объявив о наборе на весь Таратай, но отступить было поздно.

– Назовитесь и расскажите, что вы умеете делать... – сказал Карамболь с важностью банкира, выдающего ссуды.

Тип в дырявой шапке не уловил сути вопроса, пришлось повторить три раза. Выяснилось, имени он своего не знает, а что умеет делать, не помнит...

– Следующий! – гаркнул, придя в ярость, агент...

...Дальнейшие четыре с половиной часа в жизни гнома оказались весьма насыщенными. Каждый претендент был словно нарочно хуже предыдущего. Карамболь приходилось выслушивать такое, что даже у него, гнома с крепкими нервами, волосы и борода вставали дыбом. Наконец он начал подозревать, что кто-то пошутил, согнав сюда (определенно со злым умыслом) всех сумасшедших округа да еще открыл двери пары лечебниц для душевнобольных. Иного объяснения Карамболь просто не находил. С каждой минутой он погружался в пучину отчаяния все глубже. Часто просто орал при виде очередного кандидата, чтобы тот убирался подобра-поздорову, пока он не позвал стражу. Или грозился огреть новоиспеченного самозванца стулом или каменным пресс-папье, если он еще раз назовет его «папашей». Взрывы, впрочем, со временем сошли на нет. В последние полчаса, когда толпа поредела (кто-то ушел сам, не дождавшись, кого-то вышвырнули), Карамболь просто сидел и тупо взирал в пустоту.

Его борода и волосы торчали во все стороны. Глаза вылезли на лоб и посверкивали, как два айсберга на солнце. Куртка была распахнута, пальцы, стол и бумаги заляпаны чернилами. Перо для письма Карамболь съел, даже не помня, когда именно: наверное, во время одного из приступов буйства.

Очередного горе-оруженосца гном отправил по хорошо известному адресу и дрожащими руками попытался налить из графина воды. Половину расплескал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.